

АЛЕКСАНДРА МАУЛЬ

БРОШЕННАЯ
ЖЕНА

ИСКРА ГЕНЕРАЛА-ДРАКОНА

Александра Мауль

**Брошенная жена. Искра
генерала-дракона**

«Литнет»

2025

Мауль А.

Брошенная жена. Искра генерала-дракона / А. Мауль —
«Литнет», 2025

Скандалный развод и изгнание. Вот что приготовил для меня муж, как только получил повышение. Променил на молодую любовницу, спустя десять лет брака. Впустил её в наш дом, а меня подло подставил и прогнал. Больше всего оказалось, что наш сын выбрал сторону отца. Муж уверен, что я пропаду без магии и внутреннего зверя. Вот только он ещё не знает, что грядущие перемены в королевстве Эльмор очень скоро заставят его просить помощи у той, кого совсем недавно с упоением унижал. Другие истории о генералах и попаданках

© Мауль А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	36
Глава 9	42
Глава 10	50
Глава 11	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Глава 1

Мы отмечали повышение моего мужа.

В воздухе стоял запах еды, лёгкая музыка разбавляла смешки и разговоры гостей. Несмотря на то, что я чувствовала себя вымотанной приготовлениями, гостям всё-таки улыбалась, порхала по дому, вдохновлённая атмосферой праздника, беседовала, проверяла, чтобы и напитки, и закуски всегда были на столе.

Пока не увидела своего мужа.

В то же мгновение застыла.

Мой муж Омар держал в руке тарелку с фруктами и с теми самыми закусками, что я готовила предыдущей ночью своими руками, и кормил молодую драконицу из рук.

Вот так открыто стоя на террасе, при всех, совершенно не думая, что подобное унижение я не заслужила. Она заливалась звонким смехом, звонко отскакивающим от стен и ощущавшимся словно пощёчина. Она касалась изящными тонкими пальцами его груди, рук, лица. Открывала рот, принимая дары, а меня в этот момент словно подожгли.

Весь мир будто замер вместе со мной.

Звуки вокруг, топот каблуков и смешки гостей сначала слились в одно, а затем медленно стихли, оставляя только тихий гул.

Я стояла, как вкопанная, силой сжимая кулаки, пока внутри меня разрасталась боль.

Не в силах ни говорить, ни вдохнуть, просто не могла поверить, что это в самом деле происходит со мной.

Прямо сейчас на глазах у собравшихся гостей нашего праздника мой муж меня предавал.

Выходит, пока я занималась организацией его праздника, без сна и отдыха готовила еду и напитки, мой муж Омар наслаждался обществом молодой любовницы?

Осмотрелась, выхватывая из толпы колющие взгляды, судорожно вдохнула и зажмурилась, потому что нестерпимо больно вдруг стало.

Невыносимо.

Все собравшиеся видели.

Не могли не видеть.

Наблюдали за Омаром и за моим публичным унижением.

Обида навалилась бетонной плитой.

Омар Ортедес. Мой муж.

Теперь первый генерал Его Величества.

А что, если он захочет теперь отобрать и дом, и оружейное дело отца?

Смогу ли я противостоять теперь уже первому генералу самого короля?

Мы ведь поженились, когда он ещё был простым солдатом. По любви поженились, и я легко уступила ему место главы нашей семьи и позволила ему стать хозяином в моём же доме.

Тряхнула головой, чтобы прогнать ужасные мысли, что подобно змеям заползали в голову без моего позволения.

Открыла глаза и снова уставилась на мужа.

Мелкая дрожь охватила моё тело, пока взгляд лихорадочно скользил по крепкой мужской фигуре, обтянутой генеральской формой королевства Эльмор. По собранным в тугой хвост светлым волосам, по широкому лбу, очерченным скулам.

Грудь прострелило острой вспышкой, когда муж хрипло рассмеялся. Его чётко очерченные, пухлые губы растянулись в улыбке, а рука подавалась вперёд, чтобы коснуться румяной щеки молодой и неизвестной мне красавицы-драконицы. Он пропустил между указательным и средним пальцем блестящий локон, что выпал из её причёски. Наклонился, прижал его к носу и глубоко вдохнул.

Сбоку что-то со звоном упало, привлекая внимание Омара. И когда он поднял голову, мы встретились взглядами.

Омар так и застыл, держа в руках локоны своей фаворитки, затем отпустил и медленно выпрямился. Сжал кулаки, и ярость в глазах мужа ударила по мне с такой силой, что я отшатнулась. Казалось, вот-вот зарычит.

Омар резко втянул воздух, склонился к ней и что-то шепнул своей фаворитке. Она же положила руку ему на плечо и демонстративно скользнула вниз по руке. А затем Омар твёрдым шагом направился ко мне.

А она... мазнула по мне таким взглядом, что всё внутри сжалось. В её глазах я увидела ту самую уверенность, что она действительно скоро войдёт в этот дом хозяйкой.

В мой дом!

В дом моих родителей! Дом и земля достались мне от родителей, а после того, как они погибли, стали домом и для моего мужа.

И не сама это придумала, должно быть, мой муж ей позволил.

Убедил, что будет именно так.

У меня сдавило грудь и потемнело в глазах. Не дышала, пока Омар преодолевал между нами расстояние. И только когда его пальцы в жестком хвате сомкнулись на моей руке чуть выше локтя — пришла в себя.

Принялась лихорадочно осматриваться в поисках сына.

А что, если и он это видел?

— Мы с тобой объяснимся немного позже. Будет для этого время. У нас полный дом гостей, — указал он, будто я не знала.

Знала, конечно.

Я ведь сама организовала для них этот праздник в честь повышения Омара по службе. В такое непростое время, когда один за другим генералы предавали короля, Омар был всё так же верен. Служил ему верой и правдой. Отдавал себя до последних сил.

Вот и заслужил повышение.

— Как же ты так мог? — сдавленно спросила, и густые брови Омара сошлись. Он не хотел объясняться. Даже смотреть на меня не хотел.

— Я полюбил, Лети. Полюбил другую женщину, — ответил Омар, будто это объяснение должно было облегчить мои страдания. И внутри меня будто что-то сломалось. — И когда увидел её здесь, просто не смог удержаться. Она такая красивая, нежная, смелая, — продолжал мой муж, захлёбываясь эмоциями. — Зачем ты здесь стоишь? У тебя что, не нашлось дел в большом зале?

Омар никогда прежде меня не бил, а сейчас вдруг почувствовала, будто меня ударил.

Пока я занималась организацией его праздника, готовила закуски и напитки, хлопотала по дому и пыталась удержать на плаву папину мастерскую, чтобы избавить нас от навалившихся долгов, он наслаждался обществом своей любовницы.

Ни разу ведь не помог мне с мастерской, хоть и просила.

Стоило проговорить это внутри себя, как стало ещё больнее.

— Вечером решим, как будем делить имущество и разойдёмся, наконец, — добил меня Омар.

Наконец.

Вот только что мы будем делить, если у нас из имущества: дом моих родителей и оружейная мастерская отца?

Неужели отберёт?

От этих мыслей меня встряхнуло. Так, сильно, что я собралась. Отругала себя за то, что была такой глупой и беспечной. Давно ведь почувствовала, что между нами что-то не так. Но

верила, когда говорил, что слишком устал. Из всех сил старалась исправить какие-то недомолвки и вернуть его расположение.

А у него, оказывается, уже была в голове и в сердце другая женщина.

Если бы я только знала.

Если бы знала об этом в тот момент, когда покупала шёлк и кружево и несколько ночей подряд шила себе красивое бельё, чтобы порадовать его. А он только отмахивался. Устал на службе, проблемы с другими генералами.

— Зачем ты так со мной? — хрипло произнесла, потому что в горло словно песка насыпали.

— С тобой уже давно всё обыденно и скучно, — ответил Омар и поджал губы. Какое-то время молчал, и пустоту между нами заполняли шум и крики гостей. Больше между нами, ничего и не было. Со стороны Омара даже уважения не осталось. — Я сказал, поговорим позже. Приди в себя! У нас полный дом гостей, — повторил он. Стоило сказать это, и вслух ворвались смешки откуда-то со стороны.

Гости веселились.

— Если у нас всё стало обыденным, и ты хотел, наконец, разойтись... — взрываюсь, и Омар зло прищуривается, осаживая меня взглядом — Тогда отчего не сказал мне об этом раньше? Пусть бы твоя молодая и магически одарённая любовница суежилась на кухне и встречала гостей! — сбивчиво произношу. Не хочу плакать, но обида так сдавливает грудь. — Я больше двух дней и ночей без сна и отдыха, готовила этот праздник, составляла меню и нарезала закуски, чтобы ты сказал мне, что со мной скучно? Разве я заслужила подобное? Чтобы ты кормил при всех со своих рук эту девушку...

— А ну замолчи! Что у тебя за тон? Ты говоришь не просто со своим мужем, я теперь первый генерал Его Величества, — прорывал Омар, оставляя мне возможность додумать самой, что будет, если разозлю генерала Его Величества, и я задохнулась. — Выбирай выражения, тебя могут услышать.

Стиснула зубы и вздёрнула подбородок. Не хотела верить, что между мной и мужем всё давно безвозвратно потеряно. Старалась изо всех сил это исправить и сохранить. А ему это оказалось не нужно.

— Подыши немного и возвращайся к гостям. Жду тебя в большом зале.

Ничего не ответила, даже не посмотрела Омару в спину, слышала лишь, как стихают его шаги. Хотелось уйти. Сбежать с этого вечера.

Но у меня не получилось.

— Почему ты ничего не сделала?

Я вздрогнула и подняла взгляд.

Напротив стоял сын и буравил меня полным растерянности и злости взглядом.

Порывалась броситься к сыну, но он жестом руки меня остановил и сделал шаг назад.

Выпрямился, словно по струнке, и глубоко вдохнул.

Роланду девять. Ему, как и мне в последнее время, сильно не хватало отца.

Я это видела, чувствовала и просила Омара брать сына с собой всякий раз, когда отправляется в столицу. Но он только отмахивался, говоря, что он ещё слишком мал.

Два последних дня я Роланда совершенно не узнавала. Он стал раздражительным и взрывным. Отказывался говорить со мной о том, что его беспокоит, и постоянно просил оставить его в покое.

— Почему ты ничего не сделала сейчас? Почему промолчала? Потому что не любишь нас? Меня? Из-за того, что ты этому миру не принадлежишь? Потому что бороться тебе не за что? Отец говорит, что настоящая драконица за своё будет рвать, а что делаешь ты? Стоишь? Молчишь? — ранит меня Роланд обвинениями, словно острыми ножами.

В Эльмор я появилась в разгар войны, когда Лети погибла. И погиб её зверь. В полной растерянности я открыла глаза посреди огня и дыма. Даже решила, что угодила в ад, но оказалось, что боги даровали мне второй шанс.

Отец Лети сразу осознал, что его дочери больше нет. Но принял меня, как родную. Стал отцом, которого у меня в моей прошлой жизни не было. Потому я почувствовала нестерпимую боль и пустоту после его потери.

— Роланд, это неправда. Я тебя люблю, и мне есть за что бороться. Но всё не так просто. — Всё, что смогла выдать. Я и сама сейчас была в раздрае. Ни за что на свете не хотела бы вмешивать нашего сына в разборки с Омаром. Неужели он поступил иначе? Как мне ему сейчас объяснить? В последнее время Роланд всё воспринимал в штыки; я уверена, чувствовал, как и я, что с Омаром что-то происходит. — Давай поговорим немного позже? Когда в доме никого не будет и твой отец освободится. Ты поймёшь, что мы тебя любим и ты очень дорог нам.

— А для меня он никогда не будет свободным! Ты разве ещё не поняла, что тут произошло? Пока ты носишься со своими гостями и закусками, он любовницу водит по дому и позволяет ей выбрать ту спальню, в которой захочется разместиться. Подожди ещё немного, и он выставит тебя вон, и меня вместе с тобой прогонит, потому что из-за тебя у меня слабый зверь и отец мною стыдится! — прокричал и бросился прочь, а меня будто холодной водой облили.

Боль вспыхнула в груди. Ослепила меня, а слова сына ощущались, как хлёсткая пощёчина.

Да, во мне не было зверя, и магии не было, потому что я была иномирянкой.

Пришлой, как здесь говорят.

Но отец никогда не говорил мне, что это делает меня хуже других дракониц. Благодаря его положению в Эльмор я была завидной невестой.

Король уважал моего отца и за то, какие мечи он делает, и за что-то ещё, мне неизвестное. По важности после короля наша семья находилась на третьей ступеньке. И после гибели отца я могла выбрать себе любого дракона в мужа, но по велению Его Величества стала женой Омара, а потом крепко его полюбила.

Судорожно вдохнула и решила отправиться на поиски сына. Он сейчас был для меня важнее всего. Нужно было успокоить его и поговорить.

Уже на подходе к большому залу снова увидела мужа. Он ухватил меня за руку и потащил в зал, где кто-то из драконов намеревался сказать тост.

Воздух был вязким, липким и колючим. Я только дёрнулась, чтобы освободиться, когда рядом с нами появился один из новых генералов Его Величества.

— Выпивка закончилась, Омар, — произнёс он и, скользнув взглядом по Омару, уставился на меня. — Принесёшь? — И протянул мне свой пустой стакан.

Глава 2

Драконы королевства Эльмор в большинстве своём воспринимают женщин как красивый предмет интерьера. Почти никто из тех драконов, с кем я когда-либо взаимодействовала, женщин своих не уважал.

Здесь даже считалось нормой, когда муж в воспитательных целях мог отобрать у своей жены магию, если такая имелась.

Не уверена, что потом возвращал.

Со мной Омар, конечно, так не поступал, и я теперь не уверена, что из любви и уважения, просто потому, что забирать у меня было нечего.

Хотя за все годы брака никогда не проявлял неуважения. Напротив, в начале наших отношений он смотрел на меня, словно я была его солнцем и звёздами. От этого жадного взгляда у меня горели щёки и пробегала дрожь. Он дарил цветы, всячески старался меня рассмешить, поддерживал и защищал, особенно после того, как я осталась одна после гибели отца.

Я выходила замуж совершенно счастливой, влюблённой и полной сил. Такой, какой в своей прежней жизни никогда не была. Так благодарила Богов и за новую жизнь, и за мужа. Купалась в любви и нежности моего дракона, а затем появился Роланд.

Тогда Омар и похолодел.

Король принял его своим пятым генералом, и мой муж загорелся идеей стать первым среди прочих.

Первые пять генералов Его Величества были представителями сильнейших семей драконов. Муж стал первым, кто занял место сильнейшего, не имея при этом ни своего дома, ни высокого положения и рода.

В итоге все генералы, кроме двоих, предали своего короля.

— Так принесёшь мне выпить или нет? — повторил дракон, напоминая о себе. Его голос доносился до меня будто сквозь толщу воды. Меня трясло, в висках стучала кровь, а сердце колотилось в груди — маленькое и затравленное. Всё во мне рвалось вырваться из железных тисков мужа, уйти прочь, лишь бы не входить туда, где меня ждали новые унижения.

— Хорошая у тебя жена, Омар. И вишнёвый ликёр у неё — настоящая сказка. Вот, значит, зачем они в доме нужны. Жёны, — дополнил зачем-то, словно мы бы не поняли с первого раза. А потом мазнул по мне липким взглядом, с таким намёком, что меня передёрнуло. Отвращение накрыло волной — я даже почувствовала его горький привкус во рту.

После замужества с Омаром я почти не контактировала с другими драконами-мужчинами. Потому такое вопиющее неуважение вызвало внутри настоящую бурю.

Очевидно, тот самый вишнёвый ликёр хорошенько ударил генералу в голову.

— Нет! Не принесёт, — раздражённо прорычал муж, отчего я сама на мгновение опешила.

Сердце сжалось.

Неужели заступился?

Вздрыгнула, когда Омар выхватил стакан из рук генерала и силой рванул его в сторону. Звон битого стекла оглушил, и я прикусила внутреннюю сторону щеки. Стаканы и целый сервиз сегодня были беспощадно уничтожены изрядно подвыпившими гостями.

Вот вам и новые генералы-драконы.

— Служанка где-то здесь, она тебе и принесёт, а мы с Лети должны увидеть короля, — сквозь зубы бросил он и, не слушая возражений, потащил меня в большой зал.

Не знаю, почему слова Омара заставили меня взволноваться. Всё тело напряглось и будто налилось свинцом. Каждый шаг давался с трудом.

— Что же ты, жёнушка, платье такое скромное надела? Так тебя бы заодно и другие генералы взглядом облапали, а не только этот, — бросил колючим обвинением Омар, и я приложила ладонь к груди, когда внутри ужалило чувство вины. — Позорище. Не жена, а наказание. Хочешь другим мужикам нравиться? Сколько раз говорил: выбирай одежду скромнее, — продолжал он давить, пока продирались сквозь изрядно подвыпивших гостей в центр зала.

Там и наткнулись на короля.

Он действительно был здесь. Одетый в цвета Эльмор, гладко выбритый и собранный. Резко развернулся, прошёлся по нам с мужем сдержанным взглядом и кивнул, слегка приподнимая уголки губ.

Немедленно опустила голову и склонилась в приветственном поклоне. Схватка мужа не ослабела, отчего грудь сдавило тревогой. Я попыталась вырваться снова, но ничего не помогло. Омар вцепился в меня словно зверь, разве что следы от зубов не оставил, а вот синяки совершенно точно остались.

Кто-то поднял бокал и принялся говорить тост. Хвалить моего мужа за верность королю и за помощь в поимке предателей короны, и я не сдержалась. Улыбнулась, потому что гордилась мужем, и скосила на него свой взгляд. Может, у нас с ним ничего и не вышло, но он был отцом моего сына.

Но, видят Боги, лучше бы не смотрела. Вместо прежнего влюблённого дракона и мужа рядом со мной стоял кто-то совершенно чужой. Холодный, озлобленный. В глазах горела ярость, она обжигающей волной текла по его венам, и я от неё горела. Без слов, даже не глядя, выжигал меня, словно мечтал испепелить своими эмоциями.

Не знаю, как долго король пробыл у нас, беседуя то с одним, то с другим генералом, но когда попрощался и собрался на выход, Омар его окликнул.

А я стиснула зубы.

Отчего же не поговорил, когда король Киллиан был на расстоянии вытянутой руки?

Нервы натянулись, каждый удар сердца отзывался болью, чувствовала. Наверное, это и называют интуицией. Ещё до того, как Омар открыл рот и заговорил, поняла, что ничего хорошего меня больше не ждёт.

Думала, что он меня унизил, когда кормил свою любовницу из рук.

Думала, что ничего больнее уже быть просто не может.

Ошибалась.

— Мой король. Благодарю вас, что почтили мой дом и разделили со мной и моими гостями эту радость. Но я должен перед вами извиниться за то, что напрасно потревожил. Я просил отсрочки, потому что по долгу службы практически не бывал дома, а жена, увы, не справилась с делами оружейной мастерской и ввергла её в долги.

Не знаю, зачем Омар сделал паузу. Неужели лишь для того, чтобы из толпы донеслось приглушённое: «Потому что не бабье это — дела вести. Мозгов не хватит».

Король не отреагировал. Сделал вид, что не услышал, но я увидела в его глазах, что на все сто процентов это поддерживал. Оттого и не отреагировал.

— Я поторопился. Погорячился. Не думал, что по возвращении меня ждут вести, что ранят больнее вражеского клинка. Я просил за жену и за дело её покойного отца — и теперь горько жалею. Ибо моя Лети, как выяснилось, была не верна мне.

Гости разом ахнули, а затем затихли. Последние слова мужа повисли в воздухе.

Объявил. Разве что гвоздями не прибил.

В мире, где женщина не имеет права даже поднять голос на мужа, я, оказывается, позволила себе увлечься другим мужчиной, пока мой муж защищал королевство от врагов.

Настоящее преступление.

— Что это ещё значит «не верна»? — прогремел голос короля, и его лицо окрасила ярость.

— Это неправда! — произношу я и обхватываю голову руками. — Неправда! — вскрикиваю я. В груди бушует буря. Пустой, потому что в этом сражении мне не победить.

Опускаю руки и смотрю на мужа, взывая к нему, но прежнего Омара будто и не бывало. Что же с ним произошло за эти несколько месяцев нашей разлуки? Потому что человек, что вернулся ко мне, — не мой муж. И Омар даже смотреть в мою сторону не спешил.

— Как ты можешь такое говорить? Неужели ты совсем меня не знаешь? Я бы никогда так с тобой не поступила!

— Думаешь, я попусту здесь болтаю? — нервно дёргая щекой, бросает Омар, но смотреть в мою сторону по-прежнему отказывается. — У меня есть доказательства. Мне всё рассказал тот, с кем ты спуталась. Хочешь, позовём его сюда? Желаеть окончательно меня опозорить? — рычит он, отпуская меня и отпихивает локтем. Будто теперь сама мысль стоять рядом со мной теперь вызывает у него отторжение.

Больно.

Меня начинает колотить, а по щекам разливается огненный румянец. Задыхаюсь от нахлынувшей обиды и не могу поверить, что Омар способен на такую чудовищную несправедливость.

Я ему всегда была верна, и о другом мужчине не может быть и речи.

То время, пока мой муж служил королю, я терялась в заботах о доме, о сыне и об отцовской мастерской. Из-за того, что дела там шли последнее время плохо, мы оказались в долгах, оттого и не могли позволить себе больше одной служанки. Большую часть работы приходилось делать самой. А от повышения Омара никакой финансовой помощи я до сих пор и не почувствовала.

— Зачем ты так со мной, Омар? — голос дрожит, а я сама невольно качаю головой, не в силах поверить в происходящее. На мне буквально горит кожа от осуждающих взглядов собравшихся. Хоть они и молчат, но колет больнее кинжалов. — Я ведь за эти десять лет...

— Да что же ты мямлишь сейчас? — грубо перебивает муж. — Что ты там за десять лет? Уют создавала? Еду мне готовила? А что в этом такого особенного, если это твоя прямая обязанность как бабы? Я тебе за твои пироги должен верить безоговорочно? За то, что ты в моём доме полы намывала, чтобы я после службы приезжал в чистые и комфортные условия? Мне вот поэтому надо тебе верить? Я солдат, воин, генерал. В конце концов, сильный дракон. А ты? Я вторую неделю дома, а ты то на кухне, то в своей мастерской. Я месяцами не знал женской ласки, рисковал своей жизнью, а что заслужил? — рычит он и, наконец, разворачивается. Смотрит с такой обжигающей яростью, что везде, где касается взглядом, кожа будто воспламеняется. Горит.

— Я ради мира и будущего не только королевства, но и нашей семьи старался. А ты со мной вот так? — повышает голос, — дрянь ты неблагодарная.

— Остановись! — перебиваю его, сжимая кулаки. Не уверена, что выдержу ещё хоть слово. От моей прежней жизни уже завтра ничего не останется. Хотя какое там завтра! Как только все собравшиеся кинутся к выходу, в столице не останется ни одного дракона, который не будет знать о том, как я поступила со своим мужем. Я на улицу выйти не смогу.

Зачем всё это выяснять при посторонних?

— Я верить не могу, что ты так со мной поступил. Уже завтра все будут об этом судачить, неужели ты настолько жесток, что готов уничтожить меня, даже не разобравшись в том, была я тебе верна или нет. Омар?

— Достаточно! Замолчи! — воздух встряхивает рык короля, и я перевожу на него свой взгляд. — Ничего больше не говори, а вы пошли вон! Праздник окончен! Все по домам.

Едва он это произнёс, дом снова ожил: наполнился смешками, едкими комментариями и топотом. А кто-то, проходя мимо, и вовсе силой толкнул меня в спину, отчего я, не удержав

равновесия, повалилась на колени и упёрлась ладонями в пол между королём и моим мужем. Боль прострелила руки, но я стерпела.

Я уже собралась подняться, как на спину опустилась тяжёлая ноша, а в грудь будто воткнули тупое лезвие, когда поняла, что мой муж опустил мне на спину свою ногу, пригвоздив к полу.

Так и застыла.

Не могла ни пошевелиться, ни вздохнуть.

Моё тело онемело, руки и ноги налились тяжёлым свинцом, превратив меня в неподвижную статую. Лишь снаружи. Внутри же я рассыпалась на тысячи острых осколков — и теперь, после этого публичного унижения и предательства, мне уже никогда не собрать себя воедино. Я стиснула зубы, не позволяя ни единой мышце дрогнуть, хотя всё во мне кричало от боли, раненым зверем.

Годы заботы о муже, любви к нему, нежности, что я дарила Омару, разом ударили по мне с такой силой, что потемнело в глазах.

Глупая-глупая Лети. Думала, что вышла замуж по любви.

А он все эти годы мечтал указать мне на место?

Увидеть униженной у своих ног?

Зачем же тогда женился?

То, что я пыталась склеить последние полгода, давно расколосось, сгнило. А может, с самого начала было гнилым, да я не заметила.

До боли кусаю губу и часто-часто моргаю, чтобы прогнать подступающие слёзы. Глаза горят от такого унижения и несправедливости. А тот, кто клялся защищать меня до смерти, прямо сейчас этим наслаждается.

Не знаю, как долго мы стоим в таком положении, но вскоре и голоса, и топот стихают, остаётся лишь звенящая тишина, в которой я даже не слышу дыхания мужа. Поворачиваю голову и поднимаю взгляд. Как только наши взгляды встречаются, Омар убирает ногу с моей спины, а я изо всех сил терплю, чтобы не разреветься.

Наверное, в этот самый момент моя жизнь и делится на до и после. Ещё два дня назад мне казалось, что Боги сделали мне подарок, на самом деле же послали сущее наказание.

Ярость в глазах мужа гаснет, сменяется сладким удовольствием, а его зрачки вертикально вытягиваются.

— Поднимайся! — слышу голос короля и, прежде чем перевести на него взгляд, замечаю, как губы мужа расплываются в ухмылке. — Поднимись, я сказал, Летиция. Твой отец сгорел бы со стыда. Но что взять с иномирянки, — бросает король и, не дождавшись, чтобы я пошевелилась, резко наклоняется и одним рывком ставит меня на ноги. Едва я поднимаюсь, он отталкивает меня прочь, и всё моё тело пронзает его колючее раздражение. — Я сразу говорил ему, что из тебя не выйдет ничего путного. Уступил уговорам, позволил остаться здесь и жить. И жестоко ошибся, решив, что разглядел в тебе искру, — бросает он сквозь зубы, бросая на меня взгляд, полный презрительной жалости.

В этот миг даже воздух становится колючим, а собственный дом — чужим.

Сколько раз я слышала, что Эльмор жесток, но не могла представить, что однажды почувствую это на собственной шкуре.

— Через два дня документ о разводе будет готов. Станешь свободным. Мастерскую её отца можешь спалить — толку от неё всё равно нет с тех пор, как он погиб.

— Так точно, Ваше Величество. И благодарю! — чеканит Омар.

— Вместе с тем, кого она к своему телу допустила, можешь сжечь, — добавляет король и снова смотрит на меня. — А с девкой своей делай что пожелаешь. Я в этой ситуации целиком на твоей стороне.

Дорогие читатели, я приветствую вас в моей новой истории.

Я рада каждой из вас!

Желаю приятного чтения!

А также приглашаю вас подписаться на мой профиль, потому что впереди ещё не одна история про генерала дракона

<https://litnet.com/shrt/PP4M>

Глава 3

Резкий стук в дверь вырывает меня из горьких воспоминаний, возвращая в холодную реальность комнаты.

Праздник в честь повышения моего мужа давно окончен, и едва король с остальными гостями покинул наш дом, Омар запер меня здесь.

Щелчок замка отозывается в груди острой болью. Дверь со скрипом отворяется, и через мгновение в моей комнате стоит Лили.

Моей комнате... Хм.

Но это никакая не моя комната. Всего лишь неудобная, полупустая гостевая на первом этаже, вот уже третий день служащая мне темницей.

— Вы так ничего и не съели, — выдыхает она, и я чувствую, как прожигает взглядом. — Откуда же у вас возьмутся силы, чтобы бороться с такой несправедливостью, если Вы совсем ничего не едите.

— Не хочу, — отзываюсь я и перевожу на неё взгляд. Мне кусок в горло не лезет. Я ни есть, ни спать не могу оттого, как мой мир перевернулся. Да, у нас с Омаром были разногласия. Он то отдалялся, то снова уверял, что между нами всё хорошо.

Ни в каком страшном сне я и представить не могла, что меня ждёт.

Лили выглядит напуганной и взволнованной. Как только ставит поднос с новой порцией еды на стол, тут же направляется к окну и плотно его закрывает. За окном хозяйничает дождь, холодный ветер с запахом мокрой травы проникает в комнату. Вот только дрожу я вовсе не от холодного ветра. У меня всё тело в огне, а грудь сжимается от боли. Платье кажется жутко неудобным, каждый шов впивается в кожу, словно острый нож, а от отсутствия сна в глаза словно насыпали песка.

— Ты его видела, Лили? Боюсь представить, что с ним происходит, — спрашиваю я и смотрю на неё с надеждой.

Лили качает головой, и я закрываю глаза.

Роланда в доме нет.

Не думаю, что Лили стала бы мне лгать. Выходит, это Омар его куда-то забрал.

Сжимаю кулаки, сквозь зубы вырывается рык. Целых три дня! За это время он мог наговорить ему обо мне что угодно. Наврать, настроить так, что сын не захочет со мной не то что разговаривать — смотреть в мою сторону.

Когда только я оказалась здесь, меня так колотило, что зуб на зуб не попадал. С трудом смогла успокоиться и прийти в себя. Сейчас не время для истерик и выяснения отношений. Мне нельзя тратить на это силы. Всё, что мне нужно, — это найти способ выжить. Забрать своего ребёнка и затем отомстить.

Оказавшись в Эльмор, отец Лети рассказывал мне о драконах. Он говорил о них много страшного. А я не верила. Потому что он, будучи драконом, излучал такую теплоту. Даже в те первые дни, когда он горевал о погибшей дочери, он никогда не срывал на мне свою боль. А я чувствовала кожей, как ему мучительно было видеть меня и помнить, что её нет.

Он поначалу казался замкнутым, но всё равно просил помогать ему в его мастерской. Она нас и сблизила. Я с замиранием сердца смотрела, как он создаёт свои шедевры. Для каждого заказчика оружие было уникальным, словно отражало всю суть своего носителя. Отец это чувствовал. Оттого лучше него в столице не было оружейного мастера.

С тех пор, как мы стали особенно близки, отец окружил меня заботой, словно хрупкий цветок или настоящую принцессу. Я и представить не могла, что тот, кто клялся мне в любви перед ликом Богов-Покровителей и обещал оберегать меня, однажды станет источником моей боли.

Вот какие они, клятвы драконов.

Помню, как отец мне сказал однажды, что в Эльмор ещё есть достойные драконы. Что многих из них он знает лично. Упоминал, правда, тогда о бывших генералах короля. О тех, кто в итоге короля и предали. Как и говорил, что я непременно встречу достойного из них, который за меня и в огонь, и в воду полезет и до смерти будет сражаться, а если понадобится, за меня и умрёт.

Воспоминания об этом ударили с такой силой, что пришлось приложить ладонь к груди.

Я ведь, глупая, думала, что такого дракона и встретила.

Зажмуриваюсь и сжимаю кулаки до боли, когда вспоминаю тот вечер, где мой муж, мой дракон, тот, кто клялся мне в любви и говорил, что будет защищать, не просто наслаждался моими унижениями и опозорил на всю столицу.

Он... судорожно вдыхаю, будто снова ощущаю на своей спине его ногу.

Мне до этого проклятого праздника никогда не приходилось сталкиваться с подобным. Даже когда между нами были недомолвки, Омар меня не унижал. Наказывал молчанием, а после мы обязательно мирились.

— Вы собирайтесь, — вырывает меня из мыслей Лили, — господин Омар вас к себе в кабинет зовёт. Но прежде чем вы туда пойдёте, я хочу, чтобы вы были готовы к этой встрече, моя госпожа. Вам нужно быть к этому готовой, чтобы не сломаться. Я слышала, как наш генерал говорил... — она замирает, будто подбирая слова, — он о вас говорил как о плохой матери и прошение отправлял о том, чтобы... — её голос обрывается, когда я стискиваю зубы. — Он просил, чтобы вас лишили прав на сына.

Внутри всё болезненно сжимается, а глаза застилают слёзы.

Я ведь ожидала. Ожидала чего-то подобного от Омара с тех пор, как оказалась заперта здесь, а с тех пор как Лили сообщила мне об этом, то эта новость ударила с такой силой, что будто Омар отвесил мне пощёчину. Теперь мой муж первый генерал Его Величества с неограниченной властью.

Своё значение для короля он уже показал мне на празднике. До сих пор ощущаю на спине эту тяжесть и никогда не прощу.

И я хорошо поняла, что, даже будучи высокородной драконицей, приближённой к королю и имеющей крепкие связи среди других важных драконов, я больше не имею никаких возможностей противостоять Омару.

И это он продемонстрировал не только мне. Всем показал.

Закрываю руками лицо и качаю головой. Неужели ему было так важно указать на это через мои унижения? Неужели для поднятия своего положения в глазах важных драконов не нашёл иного способа?

Не любил меня, выходит, никогда?

Разве так поступают с любимым?

Разве топчут того, кто поддерживал?

Да, наш брак — мезальянс. На самой свадьбе многие драконы из окружения отца не стеснялись высказывать это вслух. Но я — никогда. Все эти годы я старалась не говорить лишнего, чтобы не доставлять Омару дискомфорт.

Нет, вовсе не потому, что я из другого мира и мне не дано понять всей значимости рода Лети. Дело в том, что я никогда не смотрела на него свысока. Для меня он всегда был опорой, главой нашей семьи, нашим защитником. Лелеяла его, контролировала каждое свое слово и жест, боясь ранить. Создавала уют, встречала со службы с любовью, и когда-то между нами появился первый холод, столько усилий приложила, чтобы вернуть расположение мужа. Да только напрасно старалась.

Дождавшись повышения, указал мне моё место. Опустил мою важность. Точнее, не мою. Настоящей Лети. Ведь это она была важной драконицей. Во мне сейчас ни дракона, ни магии, но мало кто знает, что я пришлая. Об этом Омар ещё никому не рассказал.

Что я все эти годы делала не так, чтобы заслужить эти унижения?

Поддерживала Омара насколько могла, верила в него слепо, безоговорочно верила, потому когда он сообщил мне о повышении, гордость испытала.

Видела, как он много работал и отдавал себя службе, пока Роланд был маленьким. Оттого мне казалось, что он совсем не уделял внимание сыну. Понимала, что уставал. Старался ради нас, сам ведь постоянно на это указывал. Принимала. Хоть в душе и скребло, что мальчишке, неважно, в каком бы он возрасте ни был, отцовского внимания не хватало.

— Вы ведь не бросите меня здесь? — вырывает меня из моих мыслей голос Лили, и я открываю глаза. Поднимаюсь и разглаживаю юбку руками. — Чтобы ни случилось, если решите покинуть поместье, заберёте меня с собой?

Ничего ей не отвечаю. Потому что понятия не имею, что меня ждёт впереди, и только когда оказываюсь в гостиной, понимаю, зачем Лили начала этот разговор.

От моего дома здесь ничего не осталось.

Всё, что я годами создавала, было вероломно разрушено за те три дня, что я провела в заточении, а любовница моего мужа за это время уничтожила всё, что я создавала годами.

Она и сейчас стояла посреди комнаты и что-то указывала двум своим служанкам, небрежно размахивая руками. Пространство с её приходом заметно опустело: со стен были сорваны картины, подаренные ещё моему отцу, а с комодов и шкафов бесследно исчезли все подсвечники, статуэтки и вазы.

Она даже сменила шторы и ковры.

— Шевелитесь! — рявкает она и мажет по мне колючим взглядом. — Я кому сказала? Я хочу как можно скорее навести порядок в моём доме.

«В моём доме».

Она только что назвала своим домом поместье моих родителей.

Дом, где родилась и выросла Лети (пусть это была и не я), но после того, как оказалась в её теле, кое-какие воспоминания мне всё же достались. Грели меня первые дни, пока сама здесь не освоилась. А после этот дом стал моим.

Конечно, за время нашей совместной жизни с Омаром здесь многое изменилось.

Я поменяла мебель, перекрасила стены, но неизменным остались вещи, которые рука так и не поднималась убрать или переместить. Они хранили память об отце, и сейчас сердце так больно лупит в груди, что я задыхаюсь.

Сжимаю руки в кулаках и несколько раз глубоко вдыхаю, пытаюсь унять вспыхнувшую ярость. Клокочет, бурлит и растекается по телу огненной лавой.

— Омар ждёт тебя в своём кабинете, — бросает мне любовница мужа и осматривает, задерживаясь на лице. Оценивает, кривится, а затем переводит взгляд на Лили. — А ты чего встала? Или у тебя работы мало? Пошла на кухню!

— Нет, — произношу я, и любовница мужа резко переводит взгляд на меня. — В моём доме только я отдаю распоряжение. К тому же Лили МОЯ служанка и уж точно не заслужила подобного обращения.

— А ты здесь больше никто, чтобы открывать свой рот. Теперь я здесь хозяйка! — заявляет она, и я наблюдаю за тем, как её лицо багровеет. Разочаровываюсь в выборе Омара.

— Ты здесь вообще больше никто! Я скоро стану женой Омара! Я вознесусь в Эльмор высокородной драконицей и буду важной для Омара.

— Разница между тобой и мной в том, что брак с Омаром не сделает тебя высокородной. Никогда. И уж тем более — значимой для него или для Эльмор. Ни один дракон не способен

даровать тебе это. Тот факт, что ты здесь командуешь, ещё не делает тебя хозяйкой поместья. И уж точно не способен придать тебе настоящей значимости.

Драконница передо мной с силой сжимает челюсти, и из её ноздрей вырывается громкий, шипящий выдох.

— Что бы ни случилось между мной и Омаром, как бы он ни пытался меня унижить, я останусь той, кем была всегда. Моё положение неизменно. Как неизменно моё воспитание и уважение к моему дому и тем, кто в нём обитает. А то, что ты возомнила себя здесь хозяйкой, не возвысит тебя до моего уровня. Ибо настоящая хозяйка поместья, драконница крови, не станет разговаривать в таком тоне с теми, кто содержит её дом в чистоте. Не стоит обижать того, кто готовит тебе еду, — усмехаюсь я. — Моя бабушка всегда говорила: «Не забывай об уважении, будь перед тобой служанка, садовник или кухарка. Каждый, кто живёт и трудится в этих стенах, создаёт ту атмосферу и уют, в которых мы живём. Чтобы в доме царил покой, в нём должны царить уважительные отношения». Позволю себе предположить, что ещё недавно ты сама была одной из тех, кто лишь мечтал носить дорогие украшения и отдавать приказы...

— Да как ты смеешь! — верещит она и замахивается, намереваясь меня ударить, но я перехватываю её руку и сжимаю. Сжимаю что есть сил, вкладывая в захват всю ярость, так, что белеют костяшки. Она с силой выдёргивает кисть, отшатываясь прочь, и тут же начинает растирать покрасневшую кожу и бросает полный ярости взгляд. А её зрачки вертикально вытягиваются.

— Я... я... я скажу Омару! Он тебя накажет. Отхлестает тебя, дрянь. Прямо при мне отхлестает. И ты поползёшь на коленях, будешь вымаливать прощение за свои оскорбления! Хотя я вообще ничего не поняла из твоего бормотания! И извиняться за то, что посмела причинить мне боль!

— Что здесь происходит? — гремит голос Омара, и его любовница немедленно меняется в лице. От злости не остаётся и следа, нос краснеет, а глаза наполняются слезами.

Всё вокруг замирает, кажется, что даже служанки, которых эта девка притащила с собой, не шевелятся.

— Она меня оскорбила и ударила, — произносит она, не сводя с меня глаз, и прикладывает ладонь к своей щеке. Всклипывает. Наблюдаю, как по её щеке медленно катится слеза. — И за руки хватала, встряхнуть пыталась, — поднимает руку, которой замахивалась на меня, и да, там как раз краснеет след моего захвата. Шаги мужа затихают где-то сбоку. Я не смотрю на него. Лишь разглядываю перед собой его новую девку. Чувство отвращения накрывает с головой, а к горлу подступает тошнота.

— Зачем ты с ней говорила? Я же сказал тебе, милая, просто игнорируй её. Эта иномирянка здесь больше ничего не решает. — произносит Омар, и я вскидываю на него взгляд.

Внутри всё обрывается. Окончательно и бесповоротно. Грудь разрывает от обиды, которая, смешиваясь с ненавистью к его девке, вот-вот сметёт бурным потоком всё хорошее, что было между нами.

Да, я иномирянка. Но это был мой секрет.

Секрет, которым я поделилась с ним в те годы, когда между нами, казалось, было всё: и любовь, и доверие. А он поклялся хранить её, ведь мне грозила опасность. Могли отнять поместья, ведь иномирянка в обличье Лети не вправе претендовать ни на наследство, ни на титул благородной драконницы.

Омар ловит мой взгляд, и уголки его губ приподнимаются. Зрачки медленно вертикально вытягиваются, а глаза становятся насыщенно-синего. В прошлом в такие моменты у меня по телу пробегали мурашки. Я замирала, восхищённая этой красотой. А сейчас — ненавижу. До дрожи в коленях, до сжимающей боли в груди и до жжения в каждой клетке ненавижу дракона перед собой.

Голова раскалывается, а на плечи сваливается тяжкий груз — подавляющая сила зверя моего мужа. Лишённая драконьей сущности и магии, я всегда с трудом выдерживала этот напор. А учитывая, что за всю нашу жизнь он позволял себе это лишь считанные разы — опыта противостоять подобному у меня не было.

Опускала голову и разрывала наш зрительный контакт. Но только не сейчас.

Ярость, кажется, давала мне столько сил, что я не просто не опустила взгляд, а даже вздёрнула подбородок и сжала губы, показывая всем своим видом, что больше ему подчиняться не буду.

Раньше никогда ему не противостояла. Не спорила, словами не обижала. Сдавалась. Может, он решил, что я себя защитить не смогу, а вот и нет. Смогу, просто он ведь моим мужем был, и когда мы в прошлом ссорились, я всегда пыталась недопонимания сгладить, потому как мы не воевали. Отношения выясняли, но продолжали быть семьёй. Я всегда думала, что в отношениях женщина может иногда уступить и промолчать. Всё ведь на благо семьи. А нужно было хоть раз с ним вступить в противостояние, чтобы увидеть, каким является мой муж на самом деле.

— Пусть она извинится, Омар, — сквозь шум в ушах прорывается визг любовницы Омара, и он улыбается. Будто эта идея ему ужасно понравилась. Он не сразу реагирует на неё, и она в отчаянии начинает трясти его за руку.

По спине пробегают ледяные мурашки, будто её окатили водой, едва в глазах мужа вспыхивает маниакальный блеск.

— Извинись, — произносит он и слегка наклоняет голову. На деле будто ударяет меня по лицу. Бегло осматривает меня с ног до головы и непростительно долго задерживается на губах, а затем снова смотрит в глаза, — извинись, Лети. Ты обидела новую хозяйку этого дома. Ты уже всё потеряла, это бесполезные волнения с твоей стороны. Потому не расстраивай мою будущую жену и извинись. Хотя, признаюсь, не думал, что ты вообще способна биться за своё, кричать и даже драться. Мне следовало привести в дом кого-то чуть раньше, чтобы разбудить в тебе этот огонь?

Застываю на мгновение, потому что ушам своим не верю.

Это действительно говорит мой муж?

Похоже, я понятия не имела, с кем жила все эти годы.

Становится мерзко настолько, что до боли сводит скулы, а на языке появляется привкус горечи.

— Я сказал, извинись! — рявкает он и подаётся вперёд. Силой хватает меня за волосы, стягивает и заставляет запрокинуть голову, а сам нависает. Его глаза полыхают обжигающей яростью из-за моего неподчинения, а тело бьёт дрожь. Запах дыма становится настолько сильным, что начинает щипать глаза. Острая боль стягивает затылок, но Омар сжимает кулак сильнее, будто наслаждаясь тем, что причиняет мне боль. Наклоняется так, что наши носы соприкасаются, и снова рычит:

— Извинись перед ней, Лети, или я тебя заставлю!

Глава 4

— Хватит! — Воздух встряхивает рык со стороны, и Омар немедленно отпускает меня и отступает.

Даже я от неожиданности отшатываюсь. Прикладываю руку к груди и поворачиваюсь. Не сразу понимаю, что произошло, потому что меня трясёт от злости и несправедливости происходящего.

— Я здесь не для того, чтобы на это смотреть. Чего ты добиваешься? Все мои инстинкты зверя кричат о том, чтобы я бросился защищать от тебя высокородную драконицу, — рычит он и глубоко вдыхает и выдыхает через нос, а по щекам рябью ползёт чешуя.

Дракона, прервавшего Омара, я прежде видела несколько раз. Правда, не помню его имени. Лично я с ним не контактировала, зато несколько раз замечала его в мастерской отца, куда он наведывался, а также в свите короля.

Одет он в свободную белую рубашку, жилет и широкие штаны тёмного цвета. Его волосы стянуты в тугий хвост, однако несколько непослушных прядей выбивались на лоб.

— Бросишься на меня из-за какой-то иномирянки?

— Передо мной Летиция Вондерс. Высокородная драконица, дочь дракона, которого я уважаю, — произносит он, сжимая кулаки. В его руке я замечаю свёрнутые документы. Тело его начинает заметно дрожать от напряжения. — Мой разум понимает, что она не та самая... Но инстинкты кричат, что ты, солдат, должен сидеть у её ног.

— Я теперь первый генерал Его Величества! — орёт Омар и бьёт себя в грудь. — Ты хочешь проблем со мной?

— Я ведь уже сказал, что я ведом инстинктами защищать важную драконицу. Мой зверь чувствует сильную кровь, — произносит и переводит взгляд на меня, отчего мой муж снова издаёт рык, стискивает зубы и, кажется, что сейчас от напряжения перемелет зубы. — Десять лет для дракона слишком маленький срок, чтобы я забыл, кто такая Летиция Вондерс. Я не чувствую, что она твоя пара, а значит, ты оскорбляешь женщину, на которую ты должен только облизываться.

— Ты... Проблем хочешь? — Едва слышно повторяет Омар. Его тело сковала ярость, а лицо исказилось настолько, что я впервые за наш брак почувствовала перед ним животный страх.

Что со мной будет, когда этот дракон покинет наш дом?

— Ты провоцируешь, Омар. Полагаю, до своего повышения ты редко общался с высшими драконами, раз не знаком с такими тонкостями. Мы чувствуем зов сильной крови.

— Это всего лишь женщина. Баба. И пока ещё моя.

Тот, кто остановил Омара, поднимает правую руку, в которой держит какие-то бумаги, и трясёт ими.

— По документам уже вроде как нет. Ты можешь делать со своей иномирянкой всё, что пожелаешь. Мне на это, откровенно говоря, плевать. Но будь добр, делай это, когда я уйду. Ты пригласил меня, и я трачу своё время. И ещё... — Замолкает он и бросает на меня быстрый взгляд. — Если ты хочешь обижать женщину с сильной кровью, то твоя кровь при этом должна быть сильнее. Я осознаю и прекрасно вижу, как теперь изменилось твоё положение, давай просто не будем искушать судьбу. Где твой кабинет?

— Иди за мной, — глухо произносит Омар и силой хватает меня за руку. Вся ярость, что должна быть адресована тому, кто его остановил, простреливает меня, словно тысячи острых иголок. Муж сжимает с такой силой, будто мечтает сломать мне руку.

Морщусь и пытаюсь выдернуть руку из его хватки, но Омар только сильнее сжимает, отчего на глазах появляются слёзы. Несколько раз спотыкаюсь. Ногу стягивает тупая боль, и я едва успеваю за Омаром. Его раздражение накрывает, словно колючим плечом, давит на плечи.

Оказавшись в кабинете, он небрежно толкает меня вперёд и проходит уверенными шагами хозяина этого места к столу. Вместо того чтобы сесть за стол, присаживается на край стола и глубоко вдыхает. Прищуривается и окатывает меня кинжально-острым взглядом.

Потираю место его захвата и передёргиваю плечами, чтобы сбросить его эмоции и давящую энергию.

— Нам нужна твоя подпись, Лети, — бросает он мне. — Сделай это и будешь свободна.

— Я сначала хочу прочитать то, что мне предстоит подписать.

Омар усмехается и кривится. Смотрит с таким пренебрежением, что мне становится не по себе.

— Ваше право, — говорит дракон принесший документы, подходя к столу. Он бросает на Омара странный взгляд, раскладывает несколько бумаг и жестом подзывает меня. — Ваш развод с генералом Ортедесом уже утверждён Его Величеством. Ваша подпись здесь не требуется. Это свершившийся факт. Вы разведены. А вот здесь вам надлежит подписать, что Его Величество, по прошению Вашего бывшего супруга, признаёт вас иномирянкой. Отныне Вы не вправе претендовать на защиту дворца, своей семьи, а также на поместье, оружейную мастерскую, склады Вашего отца и его привилегию прямого обращения к Его Величеству. Эти полномочия переходят к Вашему сыну, поскольку отныне он является единственным наследником всего вышеперечисленного имущества Вондерс. — Он окидывает меня колючим, полным жалости взглядом. — Вот здесь, — указывает на узкую строку, — имеется пункт о том, что, несмотря на всё вышесказанное, Вы сохраняете право оставить прежние имя и фамилию, что носили в девичестве.

— Как такое возможно? Это было первое, о чём я просил, — соскакивает Омар и, сжимая кулаки, упирается тяжёлым взглядом в своего гостя.

— Это моя инициатива. Я не мог остаться в стороне и, движимый уважением к покойному Роланду Вондерсу, отцу Летиции, счёл необходимым вмешаться. Он принял иномирянку как родную дочь. Хотя и был приближен к Его Величеству, но ничего ему не сообщил. Именно я настоял на том, чтобы Летиция сохранила своё имя. И вам я рекомендую, генерал, оставить этот вопрос, — произносит он, и на какое-то время драконы борются взглядами.

Воздух вокруг тяжелеет, едва не трескается от напряжения, — но первым не выдерживает и отводит взгляд Омар.

— И последнее, — он снова смотрит на меня и указывает на третий документ. — Здесь подписанное королём — лишение вас прав на девятилетнего Роланда Ортедеса, и... — Замолкает он, а моё сердце пропускает удар, зная, что ничего хорошего ждать не стоит. — Запрет на ваше общение. Бессрочный. Иными словами, Вы больше никогда не увидите своего сына, Летиция.

Я вся словно обратилась в камень. Не пошевелиться какое-то время не могла, не вдохнуть. Я ведь не ослышалась?

Одно дело — отобрать у меня имя, возможность просить защиту у короля и даже поместье. Но совершенно другое дело — не просто лишить прав на ребёнка.

Не позволить мне больше видаться с ним!

Закрываю глаза и едва не падаю. От шока меня ведёт в сторону. Не могу поверить, что человек, с которым я делила свою жизнь долгих десять лет, оказался таким жестоким.

— Это из-за наследства? — спрашиваю я, когда открываю глаза и Омар осматривает с презрением. — С самого начала всё было из-за наследства? — Вскрикиваю и начинаю лихорадочно срывать с себя украшения. Серьги, цепочку, кольца. Швыряю всё это на стол перед Омаром, и одно из колец с тонким звоном скатывается на пол.

— Так если всё дело в наследстве, в деньгах и драгоценностях, так ты заberi. Забирай! Всё забирай, мне ничего не нужно! — Произношу, и голос срывается. Меня начинает колотить оттого, что я оказалась в положении, из которого не вижу ни единого выхода.

Я в самом деле больше никогда не увижу своего сына.

— Всё забирай, но позволь мне общаться с сыном. Как ты можешь так со мной поступать?

— Замолчи! — бросает сквозь зубы Омар и поднимается. Поправляет рубашку, прячет руки в карманы и бросает взгляд на своего гостя. — Подпиши, наконец, эти бумаги, и мы после поговорим. Не надо истерик при посторонних.

Никакую подпись, разумеется, я ставить не собираюсь. Пока в груди полыхает от ярости, глубоко вдыхаю и выдыхаю несколько раз. Воздух вокруг становится таким давящим, что я прохожу вперёд и упираюсь руками о столешницу.

Горькое разочарование накрывает меня с головой, злость на себя и неверие, что это в самом деле происходит, смешиваются в гремучий коктейль.

Если Роланд теперь единственный наследник всего, то Омар, прогнав меня, останется в лучшем положении, даже не имея титула первого генерала. У отца на складах большой запас драгоценных металлов, что были выкуплены им для работы, но так и не использованы. Дорогая, редкая мебель, украшения, но главное — это камни, которые он купил у богатейшего дракона-генерала Эльмор, чтобы использовать в новых изделиях, эскизы которых тоже хранятся там как не менее ценное.

Я не рассчитывала на это всё.

Берегла.

Закрывала долги только выручкой из мастерской, потому что твёрдо знала, что однажды его мастерская снова заработает. К тому же всё это было скоплено отцом не для того, чтобы бесцельно растратить на безродную любовницу, которую теперь Омар будет баловать.

— Ничего не изменилось! — Рывкает над моим ухом Омар и хватает за руку. Силой разворачивает и обжигает полным ярости взглядом. Пока я тонула в своих мыслях, гость Омара покинул нас. — То, что ты ничего не подписала. Это уже ничего для тебя не изменит, — добавляет, а я осматриваю его так, словно вижу впервые. Неужели я так ошибалась. Неужели дракон, с которым прожила столько лет и которому подарила сына, вот так будет топтаться по мне, наслаждаясь унижениями.

— Зачем ты так поступаешь?

— Каждый мой поступок имеет свою цель. Тебе не понять. Ты всего лишь баба. Пришлая. Кто ты вообще? Ты же ничего этого не заслужила. Явилась непонятно откуда и, пожалуйста, тебе и фамилия, и положение. Ты никто, ничего из этого тебе не принадлежит, так что же ты страдаешь?

— А за поместье отца я и не борюсь, — хрипло произношу, потому что горло словно в тисках. Всё тело напряглось так, что мне больно. — Только за сына. Может, мне всё это в самом деле не принадлежит, но Роланд...

Да, я иномирянка, пришлая, и пусть ничего из того, что у меня есть, не заслуживаю, но кем бы я ни была, Роланда выносила и родила именно я.

Это мой сын.

— Всегда смотрел на Вотерфора и думал, ну для чего-то ведь баба нужна, раз он так борется за неё. А теперь на тебя смотрю и думаю. Разве что разочароваться.

— Он не просто так лишился всего и потерял своё место? Ты стал первым генералом нечестно? Верно? — Спрашиваю, и Омар усмехается.

— Честно или нет — это всё субъективные оценки, Лети. У меня есть цели, и я к ним иду.

— Значит, ты через меня пошёл к своим целям? Что ты хотел получить, унижая меня там при всех? Никогда меня не любил, да? — Не знаю, зачем спрашиваю. Наверное, чтобы ещё больше разочароваться. Хотя можно ли дальше.

— Любил, — отвечает Омар и шумно выдыхает. — Худшее, что случилось со мной. И на это, Летиция, я больше никогда не пойду. Не смотри на меня, будто я твой враг. Ты в жестоком мире. Может, наконец, прочувствуешь, каково это — быть постоянно униженным. Я почти десять лет нахожусь под этим чёртовым прессом.

— Но разве я в том виновата?

— Виновата! — орёт Омар, и я вздрагиваю. В шкафу звенят стеклянные полки. Его начинает трясти, и он краснеет. — Виновата, дрянь! Виновата. Я столько лет был для этих заносчивых драконов мужем Летиции Вондерс. Мужем. Летиции. Вондерс, — снова орёт и наклоняется так, что его горячее дыхание обжигает мне щеку, хватается за волосы и заставляет запрокинуть голову, чтобы посмотрела на него. — Не ты, дрянь, была моей женой. Я под тобой и твоей фамилией ходил. Вот и почувствуй, каково это.

— Не забирай у меня сына, Омар, — произношу после длительного молчания, когда Омар небрежно отталкивает меня в сторону.

Столько хочу сказать, но не того для разговоров выбрала дракона.

Я столько лет была ему тылом, поддержкой и женой, а он за эти года сломался под натиском драконов высшей крови и возненавидел меня за это.

Что я ещё могу сказать?

Есть ли сила в мужчине, который винит в своих бедах женщину?

— Ради всего, что у нас было. Прошу тебя, не поступай так со мной.

Омар ничего не говорит.

Смотрит на меня сверху вниз. Будто испытывает, время тянет.

Осматривает внимательно моё лицо горящим ненавистью взглядом.

Будто мечтает задушить.

Словно, вдоволь насладившись моим унижением, он утолит тот голод мести, что кипел в нём долгие годы. И тогда, насытившись, он разом избавится от гнетущего чувства неполноценности и наконец-то возвысится.

Взгляд у Омара горящий, обжигающий, отчего там, где касается взглядом, моя кожа горит.

— Убирайся отсюда, — произносит он спокойно и твёрдо. — У тебя час для того, чтобы исчезнуть, — делает два шага назад, а затем достаёт из кармана мешочек с деньгами и протягивает перед собой.

Всего мгновение медлит, а затем он со звоном падает у моих ног.

— Это чтоб не голодала. Как-никак, ты мать моего сына.

Глава 5

Смотрю в лицо мужа какое-то время и будто вижу его впервые.

И этот лихорадочный блеск в глазах, и хищная улыбка, даже то, как ещё неделю назад при нашем взаимодействии чешуя пробегала по его лицу, стоило Омару испытать сильные эмоции, — сейчас кажется мне чуждым.

Словно передо мной совершенно другой дракон. Ничего ему не говорю. Между нами всё закончилось. Теперь я буду бороться только за своего сына.

Разворачиваюсь, чтобы покинуть кабинет, но Омар резко подаётся вперёд и рывком притягивает к себе. Место захвата вспыхивает болью, и я, не сдержавшись, морщусь.

— Я тебя отпускал? — рычит Омар, прижимаясь так близко, что я чувствую его дыхание на своей коже. Он с силой встряхивает меня. — Не отпускал! — бросает он, не ожидая и не требуя ответа. — Разговор не окончен. И уходишь ты отсюда не с пустыми руками. Я не на улицу тебя вышвыриваю. Приготовил для тебя местечко. Конечно, не поместье, — усмехается он, — но и ты не наследница высшей крови.

Всё так же удерживая меня, двигается к столу. Открывает ящик и протягивает мне какие-то бумаги.

Он впикивает мне в руки свёрнутые листы бумаги, его пальцы на мгновение сжимают мои с такой силой, что костяшки пальцев белеют.

— Это тебе от меня. Прощальный подарок. Советую добраться туда как можно скорее. Уже завтра все будут судачить о том, какая ты неблагодарная жена. Пока я проливал кровь на службе, охраняя королевство и покой его жителей, ты, от скуки и сытой жизни, спуталась с пустоголовым драконом из мастерской своего отца. — Он указывает на бумаги. — А там... там тебе будет тихо и спокойно. Потому что там наверняка никто не знает, кто ты. А теперь иди. Я с тобой закончил.

Он шумно выдыхает, его взгляд скользит по моему лицу в последний раз, будто ища и не находя ничего знакомого. Затем он резко разворачивается и садится за стол спиной ко мне.

Я не заставляю себя ждать и делаю, как велено.

Ухожу.

Как только покидаю кабинет, головная боль усиливается, коридор сужается, а каждый шаг отзывается в теле болью.

— Моя госпожа! — Лили хватается меня за руку, и я останавливаюсь. — Я приготовила вам успокаивающий чай и отнесла в вашу комнату. Если позволите, я помогу вам со сборами.

— Я возьму только самое необходимое. Какая тут помощь... — начинаю, но Лили перебивает и сильнее хватается за мою руку.

— Не оставляйте меня. Умоляю вас, позвольте поехать с вами. Куда... Да куда угодно поеду. По хозяйству помогу. Пожалуйста, госпожа.

— Да что же ты говоришь такое? — горько усмехаюсь я и бросаю быстрый взгляд на бумаги, что вручил мне Омар. — Я сама ещё не знаю, что меня там ждёт. Я должна придумать, как буду себя содержать, а ты предлагаешь ещё и тебя с собой потащить? Попроси расчёт и подыщи себе место поспокойнее.

— А я не хочу поспокойнее. Я хочу с вами. Не отвергайте, вам моя помощь пригодится, — наклоняется, чтобы поймать мой взгляд, а у самой такое лицо, что внутри сжимается. Не могу её в этом аду оставить. Знаю, что если расчёт попросит, то без хороших рекомендаций никто её к себе не возьмёт. А Омара её судьба совершенно не волнует. Может ещё отыграться на ней из-за злости на меня. А если Лили соберётся на рынок или куда подработать, сердце за неё сжимается от жалости. Она ведь пришла в наш дом ещё совсем девочкой, многого не знавшей и не умевшей. Отец когда-то забрал её из дома, спас от жестокости родного отца —

и оставил при мне в служанках. Я ненадолго замолкаю, наблюдая, как в глазах Лили мелькают одна эмоция за другой. Мне и впрямь её ужасно жаль.

Даже не хочется с ней расставаться.

Ведь неизвестно, удастся ли ей благополучно покинуть этот дом. Что, если Омар, следуя примеру её отца, всё-таки захочет отправить её в дом Утех? Теперь я просто не имею понятия, чего от него ждать.

— Собирайся, — отвечаю, и она шумно выдыхает своё облегчение. На щеках появляется румянец. Глаза Лили сверкают довольным блеском. И я вдруг понимаю, что, возможно, мне и не стоит оставаться сейчас совершенно одной.

Уже у двери в нашу с Омаром спальню останавливаюсь. Сердце начинает бешено колотиться, и я даю себе немного времени, пока не слышу, как из комнаты доносится стук и шуршание.

Резко открываю дверь и застываю на месте.

Любовница моего мужа сидит на краю нашей с Омаром кровати в окружении моих разбросанных платьев. Сбоку от неё на покрывале рассыпано содержимое моей шкатулки с украшениями, держит чашку моего чая — того самого, что заварила для меня Лили.

— О, — произносит она, когда поднимает на меня взгляд, — ты за вещами? Я тебе помогу собраться.

Вхожу в комнату и чувствую, как боль от предательства мужа медленно вытесняет ярость. Клокочет во мне, заставляя гореть внутри.

Привёл в дом, пустил в мою комнату, открыл перед ней, что я иномирнянка.

Как жаль, что Боги не одарили меня второй ипостасью, не то обратилась бы в дракона и залила огнём своей ярости всё это поместье. Спалила бы его дотла без сожаления.

То, как эта мерзавка сидит на моей кровати, как перекидывает ногу на ногу, склоняя голову, обдаёт меня полным презрительной жалости взглядом, заставляет сжать кулаки, чтобы не схватить её раньше времени и не вышвырнуть из своей комнаты.

Сначала узнаю у неё важную для меня информацию.

Однако бегло осмотревшись, понимаю, что эту комнату я теперь с трудом могу назвать своей.

Полки пусты, картины со стен пропали, и даже шторы теперь безвкусного бледного цвета. Всё наскоро заменено, видимо, с целью показать мне, что отныне я здесь никто и от моих трудов не осталось и следа.

Вот только как ни старайся, меняя шторы, ковры и полотенца, каждый уголок этого поместья пропитан мной. Ни той Лети, которая, по мнению мужа, является истинной наследницей всего состояния Роланда Вондерса.

А мной.

Потому как именно я старалась и вкладывала в этот дом силы и душу на протяжении многих лет.

Морщусь, когдадвигаюсь вперёд и в нос ударяет приторно-сладкий цветочный запах любовницы мужа, что, кажется, насквозь пропитал здесь всё.

— Думаю, это тебе ни к чему, — произносит она где-то сбоку. Говорит что-то ещё, но я не слышу слов. — Нарядиться и ходить будет некуда. Скорее всего, потонешь в какой-нибудь работе, — болтает она.

Пробегаю взглядом по разбросанным платьям, и меня ощутимо передёргивает, когда её пальцы скользят по вышитому камнями лифу одного из моих платьев, сшитых на заказ.

Вспыхивает внутри так, что если бы наверняка не знала, что не обладаю второй ипостасью, решила бы, что моя драконица вдруг подняла голову.

Оттого что её пальцы касались не только моих платьев, но и мебели, что я сама выбирала когда-то, заставляет меня всё увидеть в красном.

Замечаю, что эта дрянь похозяйничала не только в моём шкафу, но и не раз побывала за моим туалетным столиком, где стоят духи, крема и памятные вещи, что связаны с отцом и рождением Роланда.

Стискиваю зубы, и меня начинает ощутимо трясти от ярости, когда шкатулки моих драгоценных воспоминаний оказываются вывернуты и осквернены её касаниями. А в них, между прочим, нет ни одного украшения из дорогих камней.

— Не нравится, что я касалась твоих вещей? Так они и не твои, — заявляет она, и я перевожу на неё свой взгляд, должно быть, он о многом говорит, потому что улыбка пропадает и она неуклюже поднимается, а затем делает шаг назад, будто мой взгляд обжигает её.

Замечаю на её шее кулон, подаренный когда-то отцом. Я просто не носила, но хранила как памятную вещь. Признаюсь, что даже забыла о нём, пока эта мерзавка не залезла в мои вещи и не присвоила.

— Омар поведал, что ты иномирянка. Так что всё, что здесь есть, — не твоё. И трясешься ты явно не за своё добро.

— Заткнись! — вкладываю в слова всю ненависть, сжимая кулаки. — На тебе сейчас моя вещь. Снимай!

— Здесь ничего твоего нет! — парирует она. — Радуйся, что имя своё при себе оставила. И не на меня тебе злиться. Я не виновата, что Омар в тебе не нашёл того, что нашёл во мне. Рядом с тобой он чах, а со мной — расцвёл. Поэтому теперь здесь хозяйка я, а ты скоро будешь мыкаться по улицам. Долго ли проживёт брошенная драконица без магии? Стоило лучше держать мужа, — обучает меня та, что вошла в мою семью.

— О, ну и как давно ты делаешь счастливым моего мужа? — спрашиваю я.

Признаюсь, что ни при каких обстоятельствах не желала бы услышать ответ. Просто мне необходимо начать хоть какую-то беседу, чтобы эта новая леди Ортедес не поняла, что я пытаюсь у неё разузнать.

— Пять лет, — произносит она и широко улыбается. Расправляет плечи и выпячивает грудь. Будто гордится собой, а я кривлю губы.

Гордится тем, что пять лет принимала у себя женатого мужчину?

Вот уж поистине достойный повод для гордости.

И она сейчас стоит здесь, среди моих вещей, свято веря, что Омар, который пять лет меня предавал, с ней одной поступит иначе?

— Твоё время вышло. Ты своё упустила, — её голос вырывает меня из размышлений.

Ткань платья вдруг кажется наждачной, каждый шов впивается в кожу, причиняя боль.

— Со мной он будет счастлив. Я стану лучшей хозяйкой в этом доме.

— И матерью моего сына тоже планируешь стать? — спрашиваю я удивительно ровно, и только Богам известно, что творится у меня внутри. Словно бомба разорвалась в груди, разметав всё бывшее доброе в клочья.

— Конечно, нет. У нас с Омаром будут свои дети. А твоего мы определили туда, где ему и место.

— Интересно. И где же, по-твоему, место моего сына?

— Там, где и держат недодраконов. Неужели ты думала, Омар станет просить для него место в академии? Он — его позор.

Она продолжает болтать без умолку, но я уже не слушаю. Всё, что мне было нужно, я услышала.

— ...уверена, ему там не будет сладко.

— Пошла вон! — обрываю я её, не вслушиваясь в слова.

В комнате на мгновение повисает тишина, а затем, с фырканием, она швыряет чайную кружку на кровать, заваленную моими платьями.

Медленный выдох. И решение: сдерживаться больше нет смысла.

Резким движением я срываюсь с места, с силой хватаю эту дрянь за руку и тащу к выходу. Она визжит, пытается вырваться, сыпет угрозами, что Омар заставит меня извиняться и накажет. Но мне уже плевать. Главное — выбросить её прочь, чтобы получить минуту на раздумья.

У самой двери я сжимаю её запястье так, что кости хрустят, с силой, неведомой откуда взявшейся, разворачиваю её к себе. Щёки её пылают, волосы растрёпаны, а во взгляде — непонятная мне смесь эмоций.

— Это моё, — говорю я и срываю с её шеи кулон. Затем силой выталкиваю в коридор и с размаху захлопываю дверь.

Её вопли доносятся сквозь дверь, когда я, прислонившись спиной, медленно сползаю на пол. Закрываю глаза. Слова, словно липкая грязь, пристали ко мне. Обхватываю голову руками и издаю сдавленный рык. В висках стучит: «Пять лет. Пять лет».

Память услужливо подкидывает яркие, жгучие воспоминания: его возвращения, его жадные прикосновения, поцелуи в шею, слова о любви, что сейчас режут, как лезвие. Кожа горит — везде, где касался этот предатель, вернувшийся от другой. Хочется содрать её вместе с этим ощущением.

Открываю глаза, встряхиваю головой. Поднимаясь, чувствую боль в ладони — цепочка кулона впиалась в кожу.

Громко выдыхаю и окидываю взглядом комнату. Остаётся надеяться, что Омар не успел обыскать её и забрать даже самые дешёвые украшения, которые можно было бы продать в дороге.

— Можно войти? — раздаётся тихий голос.

Лили робко выглядывает из-за двери, её взгляд скользит по комнате, задерживаясь на перевернутой кровати.

— Входи, — киваю я и замечаю, как она сжимает губы, взглянув на мой опустошённый туалетный столик.

— Нам стоит поторопиться... — больше она ничего не говорит, но я и так понимаю. Приглушённые крики любовницы ещё долетают сюда.

Меня не тревожит мысль о новой схватке с бывшим мужем. В кабинете он всё расставил по местам.

Подхожу к шкафу, нахожу в самом низу дорожную сумку. С Омаром я никуда не выезжала, а с отцом путешествовала даже за пределы Эльмор. На автомате кладу внутрь лишь практичные платья, блокнот и одну-единственную шкатулку — с тем, что дорого сердцу.

Спиной чувствую тяжёлый взгляд Лили, пока обыскиваю туалетный столик. Внутри всё сжимается от ярости: нет ни одной вещицы, даже самой дешёвой. Всё вычищено. Шкаф, где хранились подаренные отцом украшения, — пуст. Исчезли и кошельки с монетами, отложенными на долги мастерской и закупку провизии. Каждый угол нашей спальни выверен дочиста. Омар не оставил мне ни единого шанса, кроме одного — вернуться к нему на коленях.

— Куда же мы отправимся? — Лили поднимает с пола бумаги, выданные мне Омаром. — Тут упоминается некий дом... даже с садом. Владелица... — она замолкает. — Миранда Ортедес. Никак не пойму, где это место? — она листает документы в поисках адреса.

— Сейчас это не имеет значения, Лили, — говорю я, застёгивая сумку. Пульс стучит в висках, щёки горят. Я ловлю взгляд служанки. — Сейчас мы идём за моим сыном.

Глава 6

Полумрак коридора разбавляет слабый свет от свечей. Звуки наших шагов отскакивают от стен и разбавляют давящую тишину, пока мы преодолеваем расстояние до кабинета директора пансионата.

От прохладного воздуха вокруг по телу пробегает дрожь, а сердце больно колотится в районе горла. Чем ближе мы подходим к кабинету, тем сильнее ощущается моё волнение, кажется, что даже стены сужаются.

Хотя я бывала здесь бесчисленное количество раз, сегодня холодные кирпичные стены и массивная железная дверь предстали передо мной будто впервые.

Девушка, что встретила нас у массивных железных ворот, сообщила, что меня уже ждут. И это нехорошо.

И она же, проводив нас до кабинета директора, жестом пригласила внутрь.

В пансионат пустых драконов, что находится на краю столицы, мы с Лили прибыли с помощью порталного камня, который я нашла в своих шкатулках.

Мой.

Держала его у себя на случай, если мне срочно понадобится, и кто бы знал, что этот день наступит.

Смутило только то, что Омар оставил его. Теперь понимаю: хотел, чтобы я здесь оказалась.

А значит, меня не ждёт ничего хорошего.

— Добро пожаловать, Летиция, — приветствует меня директор Тарион, одаривав полуулыбкой, когда мы оказываемся в его кабинете. В тусклом свете его глаза кажутся тёмными — пугающими, будто зрачки поглотили радужную оболочку, и от этого по спине пробегают мурашки. Он всё такой же высокий, широкоплечий. Лишь на лице тенью легли щетина и усталость.

В его кабинете всё осталось без изменений с нашей последней встречи, но я всё равно чувствую себя нехорошо. Пансионат был построен благодаря финансовой поддержке моего отца ещё до моего появления в Эльмор. А после я часто бывала здесь вместе с отцом.

Тарион скользит по мне тяжёлым взглядом, отчего по позвоночнику пробегают колющие мурашки. Говорят, что его дракон был серьёзно ранен, но каким-то образом он избежал смерти. Однако в дракона обращаться Тарион больше не может. Потому и заведует этим пансионатом.

Хорошо понимает и чувствует каждого его обитателя.

Вот только мой сын — дракон.

— Принеси для меня и Летиции мятный чай и проводи эту девушку в зал ожидания, — распоряжается он и, когда дверь закрывается, снова смотрит на меня.

Словно ощупывает взглядом, особенно долго задерживаясь на шее. В прошлом он близко дружил с моим отцом. Должно быть, поэтому смотрит на меня сейчас со смесью жалости и сочувствия.

Подходит ко мне и кладёт руку на плечо, наклоняется, чтобы заглянуть в лицо.

— Я тебя ждал, но так надеялся, что ты не придёшь, — произносит и по-отечески сжимает несколько раз. Ободряюще. — Видят Боги-Покровители, не желал, чтобы этот момент произошёл. Я хотел бы быть последним, кто причинит тебе боль. Но ты не увидишь сына, Лети. Даже не могу позволить тебе с ним поговорить. Он в раздрае, его дисбаланс сводит мальчишку с ума. Дракон так полноценно и не прорвался, но это не мешает ему рвать мальчишку изнутри. Роланду нужна помощь сильного дракона. А таковых в этом месте нет. Мне действительно жаль, что всё обернулось вот так. Отправляйся в Равенхейм, пока ещё можешь.

— Я никуда не поеду без сына! — вскрикиваю, и Тарион понимающе кивает мне. Отпускает и делает шаг назад.

— Но если не уедешь сейчас, окажешься в большой беде. Как только Омар поймёт, что среди имущества и вещей твоего отца нет того, что он ищет, то примется за тебя.

— Я не понимаю.

— Если знаешь, куда твой отец спрятал искру — скажи и отправляйся в Равенхейм. Пока Роланд в этих стенах, я буду его защищать.

— Я ничего не знаю ни о какой искре, и ты ничего не сможешь сделать, когда Омар за ним придёт! — всхлипываю я, когда Тарион молчит.

— У меня есть рекомендация от первого генерала Его Величества, Летиция. Ты не увидишь сына и тем более не заберёшь. Даже король Равенхейма тебе не поможет и не спасёт от наказания, потому как у тебя на Роланда нет никаких прав. Беги, пока не стало поздно. Новый правитель Равенхейма примет тебя. Здесь я не смогу тебя защитить, как бы ни относился к твоему отцу. Если Омар захочет узнать о силе твоего отца, то никто не запретит ему тебя мучить, пока ты не расскажешь то, что знаешь.

— Да я понятия не имею, о чём ты говоришь.

— Твой отец был носителем не только высшей драконьей крови, но и сильнейшей магии. Искра. Это то, что так жаждет получить Омар Ортедес. Думаю, он убеждён в том, что искра среди имущества твоего отца, однако я знаю его давно и очень хорошо и уверен, что силу свою старый ящер запрятал хитро. Ни в твоём сыне, ни в тебе этой магии нет, тогда вопрос остаётся открытым. Куда твой отец подевал свою силу перед смертью?

То, что у отца была какая-то особенная сила, я, признаюсь, слышу впервые, потому и смотрю на Тариона с широко раскрытыми глазами.

— Возьми немного денег. На дорогу и на первое время. Я знаю, ты сможешь заработать и выжить в Равенхейме. Я попрошу привести сюда твою служанку и дам тебе порталный камень. Когда генерал Ортедес поймёт, что ты в Равенхейме, будет слишком поздно. Проси защиты и помощи у Айрона Вотерфор и никому не говори об искре и силе своего отца.

— Позволь мне забрать сына и уйти вместе с ним?

— Боюсь, это невозможно. Король Киллиан дважды спрашивал у мальчика, с кем он хочет остаться после вашего развода, и оба раза Роланд выбирал отца. А ещё, Лети, Роланд винит тебя во всём, что на него обрушилось. С подачи своего отца убеждён, что ты выбрала другого дракона. Ничего не ест и не пьёт. Даже если бы я мог что-то сделать, он просто не захочет тебя видеть. Мне очень жаль.

Я даже не могу описать то, что сейчас чувствую. Так в груди сдавливает от боли, будто бомба взорвалась и осколки разлетались. Не могу дышать, а Тарион расплывается в пелене слёз.

На какое-то время мир вокруг меня замирает, ничего вокруг не слышу и не ощущаю.

Мой сын заперт в месте для неполноценных драконов, страдает, его рвёт изнутри внутренний зверь, а он думает, что никому не нужен.

Но самое страшное, что я здесь, рядом, и не могу никак ему помочь.

Воздух в кабинете становится колючим, а корсет будто кто-то затянул ещё туже.

Меня ведёт в сторону, словно бетонной плитой придавливают навалившиеся события. Это слишком много.

— Тебе и Роланду нужно время. Ваш разрыв с Омаром ударил по нему, мальчишка в растерянности.

— Я должна с ним поговорить. Я ему всё объясню. Он поймёт. Скажу, что нет никакого другого мужчины и что Роланд для меня самое дорогое, — сбивчиво произношу, и рука Тариона снова оказывается на моём плече. — Если я с ним поговорю, ему станет легче, пожалуйста.

— Это невозможно, — спокойно произносит он, — я не могу позволить вам увидаться. Я очень рискую не только своим покоем. В опасности мои ученики и весь пансионат. От нынешнего первого генерала Его Величества неизвестно чего можно ожидать. А безнаказанность этого дракона пропитала каждый угол королевства. Я бы сказал, что Омар действует необдуманно, но это не так. То, как слепо верит ему наш правитель, пугает меня. И ты должна бояться, Лети. Ты жила столько лет с очень опасным драконом. Если вы с Роландом увидите сейчас, ты сломаешься от его слов. Всё, что он произнесёт, будет словами Омара, но он твой сын, и это ранит тебя, потому что его слова будут бить чётко по целям. Пусть пройдёт немного времени, и он обязательно всё поймёт.

— Как он поймёт, если останется с Омаром? — хрипло произношу и вытираю мокрые от слёз щёки. Наблюдаю за тем, как Тарион подходит к своему столу и разливает чай. Чувствую, как терпкий аромат трав разбавляет тяжёлый воздух в кабинете.

— Он не останется с Омаром, — кривит губы Тарион. — Распоряжением первого генерала Его Величества Роланд здесь очень надолго. Мы уже готовим соответствующие документы. Если Роланд не проявит то, чего от него ждёт отец, то через два с половиной месяца Роланд Ортедес лишится своей фамилии, получит фамилию бастарда королевства Эльмор и станет полной сиротой, — последние слова произносит едва слышно и берёт в руки чашку. Делает глоток и жестом приглашает меня к столу, а я не могу пошевелиться.

Ноги и руки будто налились свинцом.

— Ему нужно убедиться, что Роланд не владеет силой моего отца? А после просто выбросит из своей жизни? — не знаю, зачем я об этом спрашиваю. Из его слов всё и так ясно.

Но Тарион мне не отвечает. Молча наблюдает за тем, как я медленно растворяюсь в нахлынувших разом эмоциях. Даёт мне время прожить каждую, медленно выдохнуть и отпустить. Потому что я ничего не могу изменить. Я. Ничего. Не могу. Изменить.

Не сейчас.

— Скорее всего, мальчик останется в пансионате до своего совершеннолетия, но я бы не загадывал так далеко. Боюсь, уже очень скоро Эльмор накроют перемены. Потому и предлагаю тебе покинуть королевство.

— Я не уйду отсюда без сына. Любит он меня или ненавидит, но я не стану оставлять его здесь.

— Если собираешься остаться в Эльмор, куда отправишься тогда?

— Омар определил меня в дом своей матери на границе с орчими землями. Но я туда не пойду. Отправлюсь в мастерскую отца, чтобы забрать его эскизы и некоторые сбережения. Они помогут мне. На первое время мне хватит, чтобы найти жильё. У моей служанки Лили есть какие-то родственники. Может отправимся к ним.

— С мастерской твоего отца есть проблема. Её больше нет. Омар сжёг, обратившись в дракона. Говорят, там же спалил того, с кем ты была ему неверна.

Стоит только Тариону об этом сказать, как мне кажется, что в воздухе густо повисает запах дыма.

Режет глаза, забивает лёгкие.

Поверить не могу, что моим бедам нет конца. Кажется, ещё чуть-чуть, и я точно не выдержу. Сломаюсь. Даже мысли о том, что нужна сыну, ускользают в вязком тумане разочарования.

Как я преодолею всю эту несправедливость?

Закрываю глаза и качаю головой.

Перед глазами мелькают воспоминания о папиных заготовках, его эскизы, чертежи. Как сидел ночами над своими рисунками и бывало, что морщинка между бровей не разглаживалась неделями. Сердце сжимается, когда вспоминаю, как над некоторыми из них он не одну неделю работал.

Столько трудов, что хочется схватиться за голову и закричать. Годы работы моего родного и близкого человека, точнее, дракона, и всё ради чего?

— Кого они сожгли, выдавая за моего любовника?

Тарион молчит. Несколько раз моргает, а затем поджимает губы. Вижу, что знает ответ на мой вопрос, но отвечать не собирается.

— Незачем тебе это знать. Ты и так не в безопасности, — шумно выдыхает и двигается ко мне. Аккуратно берёт за руку и тянет к столу. Помогает устроиться на стуле и протягивает чашку чая. Меня трясёт, когда делаю глоток и тёплая жидкость растекается по горлу.

— Значит, ты не хочешь покинуть Эльмор? — спрашивает он и присаживается напротив спустя некоторое время.

Так благодарна, что не говорит со мной, не задаёт вопросы, а просто позволяет принять свою новую реальность.

— Я не уйду без сына, — отвечаю и ставлю пустую чашку на стол. Её звон заполняет между нами пустоту. — Обязательно что-нибудь придумаю.

— Не сомневаюсь, — кивает Тарион и прищуривает правый глаз. Закидывает ногу на ногу и осматривает меня ещё раз. На этот раз задерживает взгляд на запястьях, где краснеют места яростной хватки Омара.

Если бы у меня была магия, а уже убрала бы эти следы. Но Боги Эльмор не одарили меня даже каплей бытовой магии.

— Ты говорила, что собираешься отправиться к родственникам своей служанки? Где это? — спрашивает и кладёт руку на своё колено.

— Небольшой домик... — замолкаю и делаю вид, что обдумываю. — Да, в общем-то, и не знаю. Не расспрашивала Лили, — лгу я.

Знаю и где этот дом, и что на границе с соседним королевством Люминель, где обитают сильнейшие маги. Вот только решаю, что не хочу открываться перед Тарионом. То, как он сидит напротив и как теперь осматривает меня, заставляет на мгновение задуматься, что мы в любой момент можем оказаться по разные стороны.

Если Омар снова начнёт угрожать пансионату и его подопечным, что будет тогда?

Тарион ничего не говорит, и между нами повисает давящая тишина. Сквозь приоткрытое окно я улавливаю звуки со двора пансионата и даже едва уловимый запах выпечки.

— Ну, понятно, — выдыхает Тарион и опускает ногу. Ударяет ладонями по коленям и поднимается. Наблюдаю, как проходит к своему столу и какое-то время копается в столе.

Когда возвращается ко мне, будто бы невзначай бросает рядом со мной на край стола небольшой мешочек монет, а сам протягивает ладонь, в которой лежит порталный камень.

— Раз уж не хочешь говорить, куда отправишься, просто возьми камень, он тебе пригодится.

Поднимаюсь и протягиваю руку, а Тарион тут же сжимает камень в ладони. Какое-то время мы молча смотрим друг другу в глаза, а затем я прочищаю горло и произношу:

— Спасибо. Но я доберусь своими силами.

— Твоё право, Лети, — кивает Тарион и бросает быстрый взгляд на край стола.

Разворачиваюсь, беру мешочек с деньгами со стола и прячу его в карман плаща, который так и не сняла, когда вошла в кабинет. Должно быть, была слишком сильно расстроена.

— Моя помощница за дверью, она проводит тебя к твоей служанке. Желаю удачи и хорошей дороги своими силами, — произносит Тарион и усаживается за стол. А я покидаю его кабинет.

Глава 7

Дорога до моего нового дома далась мне непросто.

Как только мы с Лили оказываемся в карете, меня накрывает волна пережитых эмоций. Я не слышу ни стука колёс, ни голоса моей служанки. В ушах стучит кровь, корсет больно сдавливает грудь, а сиденья кажутся слишком жёсткими.

Я не хотела вспоминать, как муж при всех обхаживал любовницу, как позволил ей разорить наш уютный дом, который я с заботой и любовью создавала на протяжении многих лет. Как унижал меня при всех, а потом отобрал любовь и доверие сына.

Закрываю глаза и качаю головой.

Нахождение в карете заставляет меня вспомнить о том дне, когда я в последний раз была рядом с отцом.

Мы возвращались домой, знали уже, что где-то рядом со столицей случился прорыв, но и подумать не могли, что на середине пути окажемся в самом его эпицентре.

Сначала нас встряхнуло так, что я повалилась вперёд и разбила бровь, а затем в нос ударил сильный запах дыма и металла.

Крики, лязганье мечей словно по щелчку заполнили всё пространство вокруг.

Я знала, что у отца был порталный камень и мы немедленно могли отсюда уйти, но как только он ко мне потянулся, ко мне в нашу карету сунулся орк.

Я кричала от боли, когда он вытащил меня за волосы и бросил в середине пепелища, подзывая своих товарищей. Затхло горел от боли, от удара в глазах всё ещё мелькали чёрные точки, а звуки я слышала, как сквозь толщу воды. Видела, как отец бросился меня защищать, видела, как начался хаос, а после стали мелькать и солдаты Его Величества.

Полноценно защищаться я не умела, лишь дать отпор и броситься бежать. Бежать отсюда было некуда, но я всё равно отбивалась. Вскрикнула, когда меня снова схватили за волосы, левую руку и плечо прострелила боль, но я, стиснув зубы, принялась отбиваться. Попала тому, кто меня тащил, в живот, и, как только ослабла хватка, бросилась прочь, пока меня не схватил другой. Залепил мне звонкую пощёчину, от которой на мгновение замер мир вокруг и я повалилась. А потом достал меч и замахнулся.

Я даже не зажмурилась, несмотря на то, что меня колотило от страха и судорогами сводило от ужаса.

Просто хотела показать ему, что не стану прятать глаза.

Вот только удара его меча не почувствовала.

Стоило ему оскалиться и замахнуться, как он тут же повалился на землю под весом солдата-дракона.

Я только успевала с широко раскрытыми глазами следить за ходом их боя, молясь про себя, чтобы орк был повержен.

Солдат передо мной действовал быстро, чётко. В каждом его движении чувствовалась уверенность в себе и сила. Он напал первым, не давая возможности орку атаковать, только отбиваться. Его сила окутала меня словно мягким пледом, и даже дрожь в теле ослабла.

— Идём со мной, — произнёс он и подхватил на руки. А я осматривалась в поисках отца. Он её и сообщила солдату. Попросила отнести меня к отцу, но в таком хаосе его найти казалось нереальным. — Меня зовут Омар. Давай для начала спасём тебя из этого кошмара, а после я подумаю о твоём отце, — он поставил меня рядом, убедился, что могу стоять, и только потом заглянул в лицо. — Всё будет хорошо. Вершишь мне? Я не позволю тебе навредить, — в его голосе, каждом движении и полуулыбке была такая уверенность, что я действительно поверила. Кивнула, потому что не доверяла своему голосу. На мгновение утонула

в потрясающих синих глазах, никогда прежде такие не видела, а затем его зрачки вертикально вытянулись в тонкую иглу, и он, взяв меня за руку, толкнул за свою спину.

Тело ломило от боли, голова была словно в огне, когда меня снова начало колотить, а страх ледяными щупальцами стягивал по рукам и ногам.

Мы оказались окружёнными толпой орков. И если поначалу Омару удавалось хоть как-то отбиваться, держа меня за спиной, то потом это оказалось нереальным. Их стало слишком много.

— Будь рядом, я тебя защищу, — бросил он мне через плечо, а затем принялся оборачиваться в дракона. Как раз в тот момент, когда орки принялись атаковать нас стрелами. Одна из стрел со свистом пролетела рядом, резанув меня по плечу, а затем меня укрыли мощные крылья дракона. Обняла себя руками просто потому, что понятия не имела, что делать дальше, а когда Омар отбился от лучников, его яростный рык встряхнул воздух, и он, взмыв в небо вместе с остальными обращёнными драконами, принялся заливать орков огнём.

С отцом я увиделась гораздо позже, когда меня уже осмотрел и перевязал лекарь.

Его разместили в большой, просторной палате. Отец лежал на широкой кровати белый как полотно и, когда увидел меня, просиял. Я уже знала, что он не выберется, знала, что рана, которую нанесли ему орки, смертельна.

Они поняли главную слабость дракона, били тем, что смертельно ранит внутреннего зверя. Ни один дракон не сможет выжить после гибели своего зверя.

Я старалась не плакать, давилась рыданиями и слезами, когда присела рядом с ним на кровать. Хотела быть раненым зверем, только бы не признавать, что единственный, кому я была нужна в этом жестоком мире, не выживет. Проклинала, внутри себя возненавидела орков и мечтала, чтобы ад обрушился на их поганое королевство.

— Чтобы ни случилось после моего ухода, всегда помни: даже если ты пришла сюда из другого мира, ты всё равно находишься там, где и должна быть. Я потерял одну дочь, но Боги даровали мне другую. Помни, Лети, ты гораздо сильнее, чем думаешь.

— Моя госпожа, — вырывает меня из воспоминаний голос Лили, а затем я чувствую её прикосновение. — Мы приехали, моя госпожа. Нам пора выходить.

Когда выбираюсь из кареты, меня встречает влажный вечерний воздух. Аромат скошенной травы и мокрой земли, а ещё едва уловимый запах краски. Перед нами небольшой кирпичный домик с покосившимся забором и небо, затянутое тёмно-синими тучами.

— Глазам не верю! — вскрикивает женщина в коричневом платье и потёртом белом фартуке, когда появляется перед нами. — Лили! Моя малышка, и как же это у меня? — бросается её обнимать и даже всхлипывает. В её неразборчивых причитаниях я улавливаю что-то про отца-негодяя и желание забрать себе.

Ничего не говорю и не вмешиваюсь, даю им возможность насладиться моментом.

Помню, как отец рассказывал, что после смерти матери Лили, её отец совсем сдал и погряз в долгах. Однако отдать Лили на воспитание сестре своей жены не планировал. Хотел за её счёт избавиться от своих неприятностей, но тут вмешался мой отец.

— А кто это с тобой? — спрашивает она, когда отстраняется и неуклюже вытирает мокрые от слёз глаза и щёки.

— Это моя госпожа, — отвечает Лили. — Нам с ней пойти некуда, — тут же добавляет она и вжимает голову в плечи, когда смотрит на меня. — Примешь нас у себя. Моя госпожа очень деятельная и умная. Она может тебе помочь хозяйство наладить.

— Да вы-то проходите. А потом будем разбираться, кто что умеет, — произносит она и, склонив голову набок, принимается меня внимательно осматривать. В бледно-голубых глазах зажигается интерес. — Красивая у тебя госпожа, но такая несчастная, — добавляет и тут же прекращает улыбаться. — Твоя боль туманом вокруг тебя висит. Её отпустить надо, иначе она

тебя задушит. Меня зовут Матильда, — представляется и, развернувшись, жестом указывает в дом. — Проходите, раз уж приехали. Будем обживаться.

Только когда Лили хватает свою тётку под руку и направляется в дом, я понимаю, что деньги, которые взяла у Тариона, так и лежат в кармане моего плаща. Должно быть, за всё заплатила Лили.

Оказавшись в доме, меня встречает запах цветов и сладкой выпечки. Дом небольшой, но уютный и чистый. Матильда сразу же зовёт меня следовать за ней и выделяет небольшую комнату в глубине коридора. Приносит новый комплект постельного белья и несколько белых подушек. Показывает, где я могу умыться и переодеться.

Матильда мне что-то говорит, но я в таком раздрае, что просто киваю ей, пропуская большую часть её слов мимо ушей.

Только когда остаюсь одна, подхожу к окну и снова смотрю перед собой на затянутое тёмными тучами небо.

Сквозь приоткрытое окно задувает холодный ветер, проникает под плащ, пробегает по спине колючими мурашками. Воздух тоже ощущался колючим, и весь этот дом чистый и уютный кажется каким-то холодным.

Стены будто сдавливали, воздух казался тяжёлым.

За окном начинается дождь, и капли его медленно сползают по стеклу.

Обнимаю себя руками и чувствую, как всё внутри меня болезненно сжимается.

Впервые за время, что я оказалась в этом мире, я почувствовала себя здесь чужой. Ненужной.

Упираюсь руками в оконную раму, закрываю глаза и впервые за долгие, мучительные дни позволяю своей боли меня покинуть.

До боли кусаю нижнюю губу и плачу.

От отчаяния, что накатило, от несправедливости, от ощущения, что тяжесть, свалившуюся мне на плечи, я просто не выдержу и повалюсь.

Даю себе эту маленькую слабость. Позволяю отпустить свою боль и обиду, чтобы завтра с новыми силами бороться за сына и новую жизнь.

Не знаю, как долго плачу, но даже не слышу, как в комнате появляется Лили. На этот раз она не зовёт меня. Аккуратно касается плеча и делает шаг назад, когда я поднимаю голову и смотрю на неё. Впервые за время, что она работает на меня, я плачу.

— Моя госпожа... — едва слышно произносит она, и в её удивительных глазах расцветает сочувствие.

— Не зови меня больше так. Называй меня Лети, — хрипло произношу и вытираю мокрые щёки.

Лили растерянно кивает. Уверена, ещё не раз предстоит её попросить об этом.

— Моя тётка знает способ, как бы Вы могли здесь заработать. Похоже, совсем скоро у вас получится вернуть Роланда.

— Идёмте, — повторяет Лили, когда я молча смотрю на неё. — вам поесть нужно. Заодно и тётка расскажет вам обо всём.

— Хорошо, — киваю несколько раз и шумно выдыхаю. — Дай мне немного времени. Я к вам присоединюсь, — произношу едва слышно и снова обращаю внимание на вид за окном.

Моя служанка ещё какое-то время задерживается рядом со мной, а затем бесшумно покидает. Даёт время собраться с мыслями и прийти в себя. Я впервые за прошедшие десять лет чувствую себя в таком раздрае. Сейчас кажется, что совсем нет никакого выхода, даже гул в ушах от переживаний.

Дождь за окном только усиливается, а я вместо того, чтобы прийти в себя, снова погружаюсь в воспоминания.

После смерти отца я два месяца провела в королевском дворце. Толком не ела и не спала, потому что никто так и не рассказал мне, что будет дальше.

— *Летиция, Вы же промокли,* — *вырвал меня из мыслей голос Омара, а следом на плечи опустился тёплый плащ. Аромат кедра и дыма от костра накрыл меня, и я повернулась к солдату, который спас меня в день нападения. Теперь он был кем-то вроде моего охранника, — вам следует вернуться в комнату.*

Вот только не было мне покоя ни в комнате, ни в библиотеке королевского дворца. Только выходя в сад, я могла отвлечься от нудной боли в груди и щемящего душу страха о своём будущем.

В саду могла хоть немного отвлечься, но на этот раз глубоко погрузилась в свои мысли и не заметила, как пошёл дождь. С каждым новым днём погода становилась хуже. Зима медленно спускалась с вечно заснеженных гор на столицу.

— *Со мной всё будет хорошо,* — *хрипло произнесла и поёжилась, кутаясь в плащ Омара по сильнее. И в самом деле не заметила, как вся промокла. Платье теперь неприятно липло к телу, а каждый шов больно впивался в бока.*

Под пристальным взглядом глубоких синих глаз я иногда терялась. Вот и сейчас все движения давались с трудом. Руки и ноги были словно деревянными. В последнее время мне всё чаще становилось неловко в его присутствии.

Я смахнула со лба прилипшую прядь и с трудом убрала её за ухо, когда Омар протянул руку, чтобы коснуться меня, но замер. Простому солдату нельзя было касаться меня, и он прекрасно это знал.

Ему нельзя было говорить со мной, а иногда даже смотреть. Но король сделал исключение, пока решал мою судьбу.

Мы иногда беседовали, когда я почувствовала себя лучше, то приглашала Омара в библиотеку, и он принимался рассказывать о своём родном доме, о детстве. Иногда рассказывал весёлые истории, от которых я заливалась смехом, и хоть на мгновение, но меня отпускала боль от потери.

Я чувствовала, ощущала, что в последнее время в его глазах было не просто восхищение. В том, как он смотрел, как подавал мне руку, как отдавал распоряжение о горячем чае всякий раз, когда я мёрзла или как переносил меня спящую из библиотеки в спальню. Во всём этом я чувствовала гораздо больше, чем приказ короля меня охранять.

— *Я услышал, что после тяжёлой болезни вы потеряли связь со своим зверем и лишились возможности обращаться в дракона,* — *произнёс он и убрал руку в карман. Заметила только, что вена на виске начала сильнее пульсировать, а по шее рябью пробежала чешуя. — Я хочу предложить вам полёт. Чтобы вы взбодрились и снова улыбались.*

— *Разве это позволено?*

— *Это я не могу вас касаться,* — *горько усмехнулся Омар, — А Вы можете не просто дотронуться. Даже забраться на моего дракона и снова увидеть столицу с высоты полёта. Соглашайтесь. Король поручил мне охранять вас и следить, чтобы вы были в порядке. С тех пор как вы порадовали меня своей улыбкой, я потерял покой.*

Ничего ему не отвечала. Наблюдала за тем, как ветер треплет его светлые волосы, как капли дождя стекают по лицу, а рубашка на нём промокла. Ощущала на себе его энергию, и казалось, что чувствую дрожь, которая была его тело.

Застыла, будто прикованная тяжестью заинтересованного взгляда, который только и выдавал сдержанного и всегда хмурого солдата. В его взгляде расцветало восхищение, влюблённость, одержимость.

Я была уверена, что он, как и я, понимает: всё это бессмысленно.

Совсем скоро Его Величество определит мою судьбу, и я покину королевский дворец, а Омар останется служить королю драконов.

Потому я отказалась летать с Омаром, мы и так слишком сблизились за последние месяцы. Я видела, что он борется с собой до дрожи в руках, чтобы не коснуться меня, хоть и отчаянно этого желает. Видела, как гасит в себе одержимость мной. Как захлёбывается ревностью, когда я не обращаю на него внимание в компании одного из генералов короля. И видела его неконтролируемое волнение в тот день, когда король пригласил меня в свой кабинет.

— К сожалению, ты единственная наследница всего, что было у Роланда Вондерса, — произнёс король и перевёл взгляд на Омара, который неизменно ходил за мной. Даже не верится, что в тот день, после нападения, он не хотел меня охранять и, казалось, оскорбился, когда король отдал ему такой приказ. — Твой отец был очень важен мне, и я не могу не позаботиться о тебе после его ухода. Он обладал большой ценностью. Мы должны её оберегать, — усмехнулся король, глядя мне в глаза. И я тогда ещё до безобразия наивная решила, будто он говорит обо мне. Ничего ведь ни про какую искру не знала. — Чтобы дело Роланда не угасло, а его дочь оставалась в безопасности, я принял решение отдать тебя замуж, Летиция, — озвучил король, и я замерла. Сердце пропустило удар, а внутри похолодело. День, которого я боялась, настал.

— Ваше Величество, — неожиданно вмешался Омар. Меня даже повело в сторону, когда я увидела в его глазах решимость. — Я прошу вас позволить мне позаботиться о Летиции Вондерс. Позвольте, я женюсь на ней. Я в неё влюблён и буду защищать ценой своей жизни.

Тишина, что повисла после его слов, давила. Король молча изучал Омара, прежде чем продолжить, а затем усмехнулся и перевёл взгляд на меня.

— Я не удивлён, что Летиция произвела на тебя впечатление. Наблюдая за ней, я и сам отметил, что она отличается от большинства высокородных драконниц. Да, в ней после тяжёлой болезни нет больше никакой магии, и она потеряла связь со своим внутренним зверем, но, к сожалению, для тебя положения её это не изменило. Любовь — это слабость. Запомни. Браки не заключаются ради любви, по крайней мере, в том мире, в котором живёт драконница чистейшей крови и наследница высших сил. Я нашёл для Летиции достойного мужа. Ты свободен, Омар. Больше Летиция в тебе не нуждается. Сегодня она познакомится со своим драконом.

Дорогие читатели, мы с вами будем потихоньку погружаться в воспоминания Лети, я думаю, вам будет интересно узнать, как они с Омаром поженились и кого на самом начале король хотел видеть рядом с наследницей дома Вондерс.

А также я хочу пригласить вас в мой телеграм канал. Я там иногда провожу розыгрыши, делюсь отрывками, спойлерами и иллюстрациями, а также моментами из моей жизни. Если вдруг вы хотите стать чуточку ближе, я буду вам рада. Найти можно по имени Александра Мауль\ Автор или вот так [aleksandramauldlooks](#).

Глава 8

Нахожу в своей сумке кулон отца и надеваю. Накрываю рукой и закрываю глаза, вспоминая тот момент, когда впервые надела этот подарок. Не знаю, зачем после сняла.

Выхожу из комнаты и двигаюсь на приглушённый звук голосов, а когда появляюсь на кухне, Лили немедленно подскакивает, но я жестом её останавливаю.

Пусть привыкает, что она больше не моя служанка, а я ей не госпожа.

— Хорошо, что ты пришла, — произносит Матильда и тоже поднимается. Указывает мне на стул, и я присаживаюсь и наблюдаю за тем, как Матильда отходит к кухонному шкафчику и что-то достаёт.

Кухня небольшая, но уютная, пропитанная запахом испечённого хлеба, топлёного молока и мёда. Кажется, что даже моя внутренняя боль и тревога отступают.

Когда Матильда возвращается к столу, ставит передо мной тарелку с ягодами, а затем двигает и тарелку с бульоном. Только после этого замечаю, что стол буквально ломится от еды. Здесь и пирог с мясом, и овощи, и что-то вроде открытых пирожков. Громко глотаю, когда во рту скапливается слюна от аппетитных угощений.

Когда только успела всё это наготовить?

Лили всё же суетится и ставит рядом со мной кружку с дымящимся чаем. Запах его приятно щекочет нос, и я впервые за последние дни ощущаю голод.

— Ты сильно не спеши, — произносит Матильда и подаётся ближе ко мне, усаживаясь напротив. Внимательно осматривает и поправляет свои серебряные волосы, собранные в аккуратную причёску. — Ты бульон сначала поешь, а то выглядишь, будто неделю не кормили. Так может и плохо быть. У меня тесто масляное, жирное. Я не жалею, нет, просто тебя берегу. А если что, я завтра и новое могу испечь, и по запросу твоему что-нибудь. Я свою племянницу давно не видела, а она, благодаря твоему отцу, настоящей красавицей стала. И умной ещё, — добавляет она и косится на Лили, — Мне Лилька о тебе ничего не рассказала. О личном. Упомянула только, что ты переживаешь большое горе. Я в твои дела, конечно, лезть не буду, но если сама решишь рассказать, всегда выслушаю.

— Тётя! — одёргивает её Лили и нервно перебирает ткань платья, когда мы обе смотрим на неё. — К ней на «вы» нужно. Ну, я же предупреждала.

— Не нужно ко мне на «вы», — опережаю вопросы Матильды и строго смотрю на Лили, — ты разве ещё не поняла, что наша жизнь изменилась? Не госпожа я тебе больше. Оттого не надо мне выкать. Мы с тобой завтра с утра в город вместе пойдём. Будем там работу искать, да и, судя по всему, ползать, урожай собирать или в земле копаться, — поворачиваюсь к Матильде и спрашиваю:

— Или у вас другой заработок?

— Я живу на свои пирожки и соленья, — как-то растерянно отвечает она. — Но для вас... для тебя у меня другая работа.

Соскакивает и какое-то время суетливо бежит от одного шкафчика к другому. Бубнит себе что-то под нос, а затем возвращается.

— Вот он. Смотри, — кладёт передо мной нож, и я немедленно опускаю взгляд. — Лилька мне сказала, что твой отец мастерской владел. А у меня друг вот такую красоту делает. Ты разбираешься? Достойно мастерит?

Выполнено очень хорошо.

Толстовато у основания, но это не имеет значения, потому как работа качественная, а значит, вещь эта не только красивая, но и прослужит долго. В отличие от быстро сделанного, долго не затупится. А то, как аккуратно выполнен витиеватый узор на ручке, подсказывает мне, что сделан этот нож был с любовью и с целью впечатлить.

— Отличная работа, — отвечаю и поднимаю взгляд к её лицу. Улыбка на лице Матильды тут же становится шире, а щёки розовеют.

— Что ещё за друг? — вмешивается Лили. — Тот, для которого ты всё это наготовила, а мы нагрнули?

— Кому бы ни готовила, а твоему приезду рада, — бросает она Лили и снова впивается в меня взглядом. — Ты ему помоги, ладно? Не задаром, конечно. Он делает хорошо, да вот только торговаться совсем не умеет. У него маги из Люминель, — она указывает рукой в сторону большого окна. — Всё это за бесценок раскупают. А он и поднять цену боится. Если они брать перестанут, совсем туго будет. Я завтра тебя к нему отведу. А как ты ему покажешь, что своё дело знаешь, так будете делить заработанное, — просит Матильда, и я кусаю внутреннюю сторону щеки. Делать ножи и мечи я, может быть, и не умею, но вот реализовать их вполне способна. Да, в последнее время мастерская отца была в долгах, но вовсе не по моей вине, только благодаря мне она, будучи в долгах, процветала.

— Ну чего молчишь? — нетерпеливо спрашивает Матильда, и её волнение повисает в воздухе.

— Помогу я твоему другу, а он пусть поможет мне.

Не даю себе возможность размяться, но всё-таки внутри становится тепло от осознания, что я смогу зарабатывать привычным делом и что у меня появится шанс забрать сына.

По совету Матильды я сначала приступаю к бульону, а потом, не удержавшись, тянусь к одному из мясных пирожков. Должна признаться, что это лучшее, что я ела за последнее время. Мягкое, пышное, невероятно вкусное тесто в сочетании с сочной мясной начинкой заставляет меня забыть обо всех проблемах.

После ужина мы ещё долго остаёмся за столом и пьём травяной чай с вареньем. Лили то пропадает, то снова возвращается, а я рассказываю Матильде о своём муже. Лишь малую часть, в основном затрагиваю потерю отца.

Когда возвращаюсь в комнату, замечаю, что Лили уже застелила мне постель.

Переодеваюсь и забираюсь в постель, но вместо сна меня снова атакуют мысли. На этот раз ещё и волнение о завтрашнем дне щекочет в груди.

Не знаю, удаётся мне заснуть или нет, кажется, что вскоре после того, как оказываюсь в постели, слышу стук в дверь, а затем вижу румяное лицо Лили и её широкую улыбку.

— Доброе утро, моя госпо... кхе-кхе, — прочищает горло и проходит в комнату, — Доброе утро, Лети. Приводи себя в порядок и идём завтракать, — она складывает руки перед лицом так, словно молится, и, кажется, улыбается ещё шире. — Сейчас пойдём знакомиться с тётиным другом Саттером.

— Доброе, Лили. Я сейчас к вам присоединюсь.

Как только Лили покидает меня, волнение поднимается к голове и начинает стучать в висках.

Я умею зарабатывать деньги.

Столько лет рядом с отцом я многому научилась, что могла бы применить не только в оружейном деле, но сама мысль о том, что я снова смогу иметь дело с мастерской, наполненной жаром печи, запахом металла, так приятно сжимает в груди, что я обращаюсь к Богам-Покровителям с просьбой мне помочь. А затем становится как-то горько от воспоминаний о том, что этим Богам, судя по всему, на меня плевать.

В тот день, когда король решил выдать меня замуж, я тоже просила их о помощи. Я не хотела замуж, я лишь хотела покоя и сохранить дело отца.

Но всё сложилось иначе.

Во время завтрака Матильда кажется мне взволнованной, растерянной. То и дело приходится по несколько раз повторять свои вопросы. Очевидно, волнуется перед встречей со своим талантливым другом. Вижу, что сегодняшнее платье на ней выглядит особенно нарядным, а

волосы собраны в красиво оформленную косу, которую она перекинула через плечо. Да и глаза буквально горят.

Как мы преодолеваем путь до мастерской, я не замечаю. Погружена в свои мысли и волнения. Уверена, будет у меня ещё возможность рассмотреть здешние виды. А когда оказываемся у массивной деревянной двери, сердце пропускает удар.

В мастерскую вхожу последней, даже дыхание задерживаю, потому что меня охватывает мелкая дрожь от знакомых звуков и запахов. Болью отзывается воспоминание о том, что мастерской отца больше нет.

Когда проходим вглубь, щёки опалает жар печи, кончики пальцев даже начинают приятно покалывать, а в нос врзается запах дерева и металла.

У большого стола я замечаю широкоплечего, высокого мужчину с тёмными волосами и бородой. Он, заметив нас, немедленно прекращает работу.

В комнате царит полумрак, его лицо освещает лишь свет от пламени разгоревшейся печи, и я замечаю, как от неожиданности расширяются его глаза, а тонкие губы дёргаются в подобие улыбки.

Он медленно выпрямляется, несколько раз проводит рукой по волосам, которые кое-где уже тронуты серебряными прядями.

— Привет, — глухо произносит Матильда и хватается обеими руками за ручку своей плетёной корзинки, в которой с такой заботой укладывала перед дорогой пироги и соленья. — А мы вот... пришли, в общем.

Мужчина перед нами двигается. При всей своей силе, что от него исходит, вот в этот момент выглядит совершенно растерянным.

Двигает в сторону руку, в которой держит молоток, и вместо того, чтобы уложить его на стоящую рядом деревянную тумбочку, — промахивается. Молоток валится на пол, задевая несколько лежащих на краю инструментов, и мастерскую встряхивает звон. Сквозь него улавливаю смешки и только сейчас замечаю, что кроме этого мужчины здесь ещё два парня. Один — с другой стороны печи, а второй — сбоку от меня. Оба улыбаются.

— Матильда, — хрипло произносит тот, кто уронил инструменты. Кажется, Лили упомянула, что его зовут Саттер, и криво улыбается. — Ты проходи. Хорошо, что пришла. Но я думал, ты, как обычно, придёшь после обеда. Не подготовился, — добавляет он и выпрямляется. Делает глубокий вдох. — Но я и сейчас тебе рад. А это кто? — бросает он быстрый взгляд на меня и Лили и снова смотрит на Матильду. — Ты говорила про одну племянницу, а их, выходит, две?

— Это помощь, — отвечает Матильда и указывает на меня. — Я тебе вчера о ней говорила. Не стала тянуть, привела познакомиться. Это Лети, а это Саттер, — неловко знакомит она. — А вот моя племянница. Лили.

— О ней ты говорила, когда упомянула помощь? — кривится этот Саттер и теперь смотрит на меня. Осматривает, будто ощупывает взглядом. Мне даже неприятно становится. — Я же не думал, что помощь ко мне придёт от девчонки, — грубо произносит он. Без пренебрежения, скорее с удивлением.

— А что плохого в девчонке?

— Так, ты посмотри на неё! Взгляд, лицо, осанка. Девушка определённо из столицы. Высокородная. Она-то мне чем поможет? Они же все только молчать и кивать могут.

— А ты много знаешь про девок столичных? — со злостью выдаёт Матильда и в сердцах швыряет свою корзинку. — Если от женщины помощь принять не хочешь, так и скажи. Не знала я, что ты вот такой. Сиди тут и делай что хочешь. — взрывается она. Щёки покраснели, глаза блестят. Разворачивается к нам, и я едва не отшатываюсь от волны исходящих от неё эмоций. — Ты посмотри, помощь ему от женщины не нужна! А ну-ка, на выход! — командует и, резко развернувшись, направляется к двери.

Нас, само собой, не дожидается.

Ни я, ни Лили, естественно, не двигаемся.

Почему стоит Лили, я не знаю, а я просто растерялась.

Признаюсь, что никогда прежде не была свидетелем каких-то подобных сцен. Эмоциональных. Ни сама такой страсти не испытывала, ни тем более не была знакома с теми, кто бы вот так много и сильно чувствовал.

— И куда ты рванула? — встряхивает воздух рассерженный рык Саттера. — Я сказал стоять!

В один шаг преодолевает между ними расстояние и хватает её за локоть. Резко, но при этом так удивительно мягко разворачивает её к себе и припечатывает тяжёлым взглядом.

— И не подумаю. Вон ты как скривился от мысли, что тебе будет девушка помогать.

— Ты сама подумай, чем мне девка столичная поможет? Не бабское это дело. Оружие — оно для мужиков. А чтобы торговлю вести, там мозги нужны.

— А ты думаешь, у женщин мозгов нет? Вот ты какого мнения о женщинах?

— А ты чего обижаешься, это я не о тебе, об остальных и вообще...

— Всё. Забудь о том, что я тебе помощь хотела предложить. Отпусти меня и больше ко мне не подходи. Понял?

Округляю глаза, когда Матильда принимается вырываться, но тут же оказывается прижатой к твёрдому телу.

— Не понял, вообще-то. Ничего не понял, и мы с тобой опять ссоримся. Чего ты обиделась-то? При чём тут ты и помощь от этой девчонки? Ты-то другое дело! Красивая, умная и пирожки у тебя...

— Забудь о моих пирожках.

— Ну опять ты об этом заговорила, — шумно выдыхает Саттер и качает головой. — Ну, сама же знаешь, что ругаемся только стоит эту тему поднять. Если тебе денег мало, так ты о том и скажи. Я этих ножей на продажу ещё больше сделаю.

— Да разве здесь дело в деньгах? Ты же такой талантливый! А маги эти... эх. Ну тебя. Отпусти, — вырывает она, наконец, руку из его хватки и выбегает из мастерской.

Саттер несётся следом за ней, и в мастерской воцаряется тишина.

Я перевожу взгляд на Лили, и она, довольная, прыскает от смеха.

— Так я не поняла, будет у вас, то есть у тебя работа или нет? — спрашивает она, и я пожимаю плечами.

Не дожидаясь, пока стихнут крики Матильды и Саттера, принимаюсь осматриваться. Двое, что, как мы и стали, свидетелями разборок, переглядываются, а затем собираются у стола и принимаются за работу.

Лили подходит ближе ко мне, и я вижу, как она задерживает взгляд на блондине, который перебирает лежащие на столе ножи.

— А ты в самом деле нам чем-то сможешь помочь? — спрашивает блондин и, прищурившись, цепляется за меня взглядом. — Ты не обижайся и всё такое, но ты девица и совсем не похожа на ту, что разбирается в нашем деле?

— Может, и нож смастерить сможешь? — спрашивает второй и усмехается. Но тут же прекращает улыбаться, когда встречается взглядом с блондином. — Разве мы похожи на тех, кто нуждается в помощи от хрупкой дамы из столицы? — спрашивает и, схватив молоток, резко замахивается. Что есть силы бьёт по лежащему ножу, и воздух вокруг встряхивает лязг.

Лили от неожиданности вскрикивает, а затем виновато поджимает губы.

— Мне ни к чему демонстрировать вам моё владение этим делом, — небрежно киваю на стол. — Я здесь ни для этого, — выдыхаю и смахиваю прядь со лба. В мастерской становится жарковато. В теле начинаю ощущать тяжесть, а по венам будто раскалённая лава потекла. — Я здесь для того, чтобы помочь вам с реализацией, — снова осматриваюсь и замечаю на стене

целых пять серебряных мечей с замысловатыми узорами. — А эти почему здесь? Ждут покупателя?

— Отказался покупатель, — отзывается блондин, скосив взгляд на стену, а затем снова ловит мой взгляд и склоняет голову набок. — Неделя работы, считай, зря потраченное время.

— Значит, нужно найти нового покупателя. Матильда говорила мне о магах из Люминель. С кем-то ещё, кроме них, вы работаете?

— С управлением местным, — снова отвечает блондин, — кандалы для них делаем, цепи и решётки. Но с ними цена фиксированная. Это маги только всё сбивать пытаются. Кроме нас этим делом — он берёт в руки нож, а затем бросает передо мной, — ещё две мастерские занимаются. Клиенты здесь нарасхват. А уж маги из Люминель — это вообще особый случай. Если к другим уйдут, мы основного заработка лишимся.

— А где я могу найти другие мастерские? — спрашиваю, и второй отрывается от работы. Смотрит на меня исподлобья широко раскрытыми глазами.

— К конкурентам переметнёшься?

— Хочу увидеть их работы, чтобы оценить. Когда в следующий раз маг явится за ножами, я буду с ним говорить.

— Я голосую, чтобы всё осталось как есть, — поднимает руку второй и что-то говорит блондину одними губами, а тот только отмахивается.

— А я не согласен. К тому же у меня появился вопрос. Это правда, что ты дочка Роланда Вондерса?

Спрашивает он, но я отвечать не спешу. Разочарование вдруг появляется горечью на языке. Хотела ведь новую жизнь начать в месте, где никто про меня не знает. Как получилось, что я здесь и дня не прожила, а обо мне уже судачат.

— Откуда такие вопросы?

— Просто Саттер о столице заговорил, а я вспомнил, как говорили о карете столичной и о том, что дочку Вондерса из столицы прогнали. За то, что она все эти годы выдавала себя за другую. Будто в теле бедной Летиции скрывалась иномирянка. Пустая человечка, — отвечает он и осматривает цепким взглядом. Скользит вниз по шее, задерживает взгляд на кулоне отца, опускается к плечам, вниз по руке, задерживаясь на пальцах, и снова поднимает глаза к лицу.

— Верно всё говорят, — наконец отвечаю, и он округляет глаза. Смотрит на меня какое-то время и, кажется, не моргает. Его зрачки медленно вытягиваются в тонкую иглу, а затем возвращаются в норму.

— Значит, правда, всё о деле отца знаешь и сможешь мои ножи продать не по золотой, а по три? — спрашивает он и достаёт из кармана нож. Аккуратно кладёт передо мной, и сталь клинка ловит блики от пламени из печи.

Опускаю взгляд и, мазнув по лезвию, задерживаюсь на рукоятке. Красивая, исполосована изящными узорами. Поднимаю руку и пробегаю пальцами, а внутри меня будто встряхивает. Снова в родной стихии, снова среди ножей и мечей, что аж в груди всё сжимает.

Горящая лава поднимается к голове и стягивает затылок.

— Всего три монеты хочешь? — удивляюсь я. — Это отличная работа, и цена ножу не меньше пяти, а этот — указываю на тот, что он кинул передо мной гораздо раньше, — я могу продать за одиннадцать.

— Одиннадцать? — спрашивает он, и его удивление приятно щекочет нос. — Одиннадцать золотых ты сказала? Я такую сумму за три месяца получаю.

— А теперь можешь за одну смену получить. — Пожимаю плечами и прикладываю пальцы к вискам. Боль нарастает, и чувствую, как по телу пробегают ледяные мурашки. Что-то со мной происходит. — Что ещё обо мне говорят? — спрашиваю и глубоко вдыхаю.

— Врут в основном. Теперь это ясно.

— Отчего же ясно? — слышу голос Лили и замечаю, что она оказывается рядом.

— Потому что госпожа твоя — никакая не человечка. Я однажды встречал таких людей, когда ещё Семь Королевств были одним целым, и здесь у нас бывали солдаты из Равенхейма. Твоя госпожа — магичка. Я такую силу ощущаю всякий раз, когда к нам тот маг за ножами является.

Глава 9

Теряюсь на секунду, потому что понятия не имею, о какой силе он говорит, но со мной совершенно точно что-то происходит.

Ощущения, что я сейчас испытываю, заставляют вернуться в тот день, когда я познакомилась с тем драконом, которого определил мне в женихи король.

Дверь в кабинет Его Величества распахнулась так неожиданно, что мне пришлось замолчать на полуслове.

Взглянула на дверь и замерла. От одной только силы, что исходила от дракона, что вошёл, меня словно по рукам и ногам связали.

Второй генерал Его Величества.

Конор Макгилл.

Он какое-то время стоял в дверях и с прищуром осматривал меня, а затем перевёл взгляд на короля и поприветствовал.

Как только Его Величество жестом пригласил войти, Конор двинулся вглубь комнаты, заполняя собой пространство вокруг. Едва уловимый запах дыма, терпкий аромат мускуса и кедра приятно щекотал нос, и я опустила взгляд на свои пальцы. Потому что от силы и энергии, что исходила от него, у меня закружилась голова.

Подняла взгляд, тогда он оказался на расстоянии вытянутой руки, а затем шагнул ещё ближе. В каждом его шаге была твёрдость и уверенность.

Длинные волосы были собраны в тугий хвост на затылке, черты лица заострились, на красивом лице тенью легла щетина.

Светлая широкая рубашка была растёгнута до середины груди, и мой взгляд зацепился за какой-то кулон на его груди.

— Мне сказали, что Вы желаете меня видеть, Ваше Величество, — отчеканил он, и от звука его голоса я почувствовала в груди странную вибрацию. Скулы дракона передо мной были напряжены, глаза прищурены, а губы сомкнуты в тонкую линию.

— Как мой верный генерал, я хочу, чтобы ты женился на Летиции Вондерс и сберёг наследство Роланда и его силу, — озвучил король своё решение, и я закрыла глаза.

О Коноре, как и о других четырёх генералах короля драконов, я знала всего несколько вещей. Суровые, холодные, безэмоциональные драконы, которые привыкли получать всё, что пожелают. А однажды подслушала на рынке, что каждый из них избалован женским вниманием; у Конора, говорили, четыре любовницы, а самого сурового из генералов, Геральта, — пять.

Я должна была выйти за этого дракона только потому, что они твёрдо верят, что женщина не способна вести дела. Стать женой, чтобы дело моего отца не пропало в руках недостойного дракона, жить с тем, кого не просто не люблю, а даже не знаю, исполнять его приказы и терпеть рядом его других женщин.

От этих мыслей меня затрясло, а по спине побежали колющие мурашки.

Конор прочистил горло, вырывая меня из моих мыслей, и я открыла глаза. Золотисто-карие глаза буравили меня тяжёлым взглядом, от которого по телу побежала горящая лава, стало так жарко, что захотелось покинуть комнату, а сердце вдруг забилося в груди, словно загнанный зверь.

Я знала, что генералы-драконы сильны, но никогда прежде не была так близко ни к одному из них.

Зрачки Конора медленно вертикально вытянулись, и он резко втянул воздух сквозь стиснутые зубы, а затем протянул руку и коснулся моей щеки, отчего и я судорожно вдохнула.

Его прикосновение обожгло. И он отдернул руку, а затем коснулся моей руки. По его щекам, шее и рукам рябью побежала чешуя, вот только и я отреагировала на его прикосновение.

Сначала не поверила глазам, решила, что из-за стресса и недосыпа у меня появились галлюцинации.

От места касания Конора вверх по моей руке поползли едва заметные золотые линии, и, как только он убрал от меня руку, они погасли.

— Я никому, кроме тебя, не могу доверить эту силу, Конор, — едва слышно сказал король, и генерал снова шумно втянул воздух, резко кивнул, а затем наклонился, чтобы поймать мой взгляд. Когда наши с ним взгляды встретились, я почувствовала, как сила, которая только что проявилась от его касания, побежала вверх по спине и стянула давящей болью затылок. И Конор снова отреагировал. Издал рык и ударил кулаком по своей груди, а затем сделал шаг назад. Глаза его по-прежнему были звериными и сейчас, казалось, будто светились.

Конор меня пугал и восхищал одновременно.

— Мне нужно уехать сейчас. Как только вернусь в столицу, проведём церемонию, — сказал он скорее королю, чем мне. — И умоляю, — а теперь обратился ко мне и скривил губы, — надень что-нибудь синее, — он протянул руку, небрежно касаясь ткани моей светлой юбки. — Терпеть не могу белое...

Вздрагиваю, потому что из воспоминаний вырывает громкий стук двери, и в мастерской появляется Саттер, а я прикладываю руку к груди. Нахожу пальцами кулон отца и сжимаю в ладони. В тот день он был на мне, я сняла его гораздо позже.

Неужели это искра, которую так жаждет мой бывший муж, в этой цепочке?

— Уже освоилась в моей мастерской? — спрашивает Саттер и в два шага сокращает расстояние. Останавливается сбоку от меня, и я физически ощущаю на себе его взгляд. Лучше мне не становится, наоборот, головная боль только усиливается.

— Где Матильда? — едва слышно спрашивает Лили, и Саттер переводит на неё свой взгляд.

— Дома, — отвечает он. — Сейчас часа два побесится, а потом я её навещу, — отвечает и усмехается.

Двое его мастеров тоже издают смешки, но тут же делают вид, будто их обоих пробрал кашель, когда Саттер бросает в их сторону злой взгляд.

— Она сказала, что ты в моём деле не новичок. Значит, соображаешь, как моя работа устроена? — теперь обращается ко мне.

— Это дочка Роланда Вондерса, — отвечает за меня блондин, и Саттер, прищурившись, принимается снова меня осматривать.

— Вот так удача, — снова усмехается Саттер и проходит к столу. Расталкивает своих мастеров и принимается что-то раскладывать. — Слышал я, что Вондерс свою дочь посвящал в дела. Но также слышал, что после его смерти мастерская по уши в долгах погрязла.

— А ещё мы все слышали, что дочь Вондерса — пустая человечка, — снова вступается блондин. Думаю, мы с ним подружимся. — Но ты сам почувствуй. Куда уж там пустая. Да и не человечка. Ей со своими куда легче договориться будет. Магия-то у неё неслабая.

— Ты на себя лично не греби моё приветствие, — произносит Саттер и упирается руками в стол. — Я, по-твоему, что должен был делать, когда увидел столичную деву? Работа у меня, сама видишь: огонь, металл. Ножи и мечи я не для того, чтобы фрукты резать, изготавливаю. Для борьбы они. У меня от бабской работы здесь ровным счётом ничего. Тебя, если слово «баба» корёжит, так я не с целью обидеть или унижать. Выражаюсь так, но постараюсь исправить себя на «девица». Не пацан уже, как никак, и убеждения у меня свои имеются. Например, бабское... — прочищает горло и продолжает, — Дело женщины в основном оно какое? Дом украшать, уют создавать, пироги печь, мужа обласкать. Женщина дракону для любви нужна и для ласки, чтобы мир этот жестокий хоть на мгновение показался приятным. Кому-то женщина может и для чего другого нужна, но я и не высший генерал, кузнец простой. Оттого я и удивился. Ножи создавать — это особое дело. — добавляет он и выпрямляется. Достает из-за пояса два ножа и кладёт передо мной. — Если и шарить в этом, то напоминаю, что не в столице мы, а фамилия моя толпы клиентов у дверей не собирает. У меня в этом городке ещё трое конкурентов имеются.

Намёк Саттера я понимаю без слов, поэтому двигаюсь и беру один из ножей. Выставляю перед собой руку и укладываю нож лезвием рядом с рукояткой на указательный палец.

Нож начинает двигаться, отчего мне приходится продвинуться почти к середине лезвия, прежде чем он, наконец, ловит равновесие и останавливается.

Знаю, что для ножей, кинжалов и мечей существуют свои проверки, сотни раз видела, как солдаты проделывали подобное с изготовленными для них ножами.

Признаюсь, не сразу поняла, для чего это нужно, только однажды один из солдат рассказал, что нож, кинжал или меч — это не то, что ты покупаешь на рынке, оружие это изготавливается под своего хозяина, потому как каждый дракон насыщает его своей магией. И если в ноже или кинжале не будет баланса, то метать его будет бесполезно, потому что он сойдёт с траектории и не доберётся до выбранной солдатом цели.

— Ладно, — выдыхает Саттер. — Я тебя понял. Если положение моё тебя не пугает, давай работать вместе. Но только помни. Маги из Люминель — мои главные клиенты, если хоть одного из троих потеряю, заработок мой заметно обвалится.

Киваю ему и мысленно уже составляю план дальнейших действий. После того как Саттер делает мне и Лили небольшую экскурсию по мастерской и знакомит со своими помощниками, я собираюсь отправиться на рынок, чтобы изучить конкурентов.

— погоди минуту, — окликает Саттер Лили, и она застывает. Я остаюсь с ней, и мы обе наблюдаем за тем, как он какое-то время ходит по мастерской. Откуда-то достаёт небольшую золотую подарочную коробочку. Не знаю, что туда укладывает, но едва сдерживаю улыбку, когда принимается аккуратно перевязывать её красной лентой. Когда ему это удаётся, протягивает коробку Лили, и мне кажется, что его щёки окрашивает румянец. — Отдай это тётке своей, — хрипло произносит.

— А что там? — спрашивает Лили и, видимо, тут же жалеет, потому что сразу же прикусывает губу.

— То, что она выкинет, скорее всего, от обиды. Пусть выпустит пар, а я потом приду со своим подарком, — посмеивается и впихивает коробку Лили, а затем разворачивается и гаркает на своих ребят, чтобы прекращали глазеть и принимались за работу.

Отправляюсь на рынок и тону в сладких ароматах фруктов, выпечки. От криков и музыки вокруг голова начинает болеть ещё сильнее, но я собираюсь сегодня же увидеть других мастеров.

Одного из них нахожу в самой середине рынка, и меня накрывает разочарование. Слова отцовских клиентов всплывают в голове, когда я касаюсь одного из разложенных передо мной ножей.

Оружие солдат никогда не покупает на рынке. Это то, что должно быть изготовлено для него на заказ. На рынке ты можешь купить нож, который разрежет тебе пирог.

Пока разглядываю весь их ассортимент, понимаю, что торговцу, мягко скажем, плевать на то, что я заинтересовалась товаром. Сидит, уперев голову на руки, и смотрит на то, как дети скачут вокруг фонтана.

Следующие два дня я нахожу ещё двух оружейных мастеров и, прикупив у каждого по паре ножей, соображаю, как буду вести переговоры с магами. До встречи с одним из них остаётся день.

Когда возвращаюсь домой из мастерской, чтобы отдохнуть перед важным завтрашним днём, Матильда встречает меня с тревогой в глазах. Движения её будто деревянные, отчего волнение расцветает в груди.

— Гости у тебя сегодня, Лети, — сообщает поникшая Матильда и кивает в сторону гостиной. — Если что, я на кухне. Со сковородкой, — едва слышно добавляет и растягивает губы в подобие улыбки.

У самой двери в комнату останавливаюсь. Даю себе всего секунду, а затем вхожу.

В кресле напротив меня словно хозяин этого места сидит тот, кого я предпочла бы больше никогда не видеть.

— Что ты здесь делаешь? — произношу и стискиваю челюсти, потому что Омар медленно поднимается и осматривает так, словно не было между нами его предательства и унижений. Скользит ласковым взглядом по лицу, задерживается на губах. Дарит улыбку, отчего внутри меня всё скручивается тугим узлом, и я сжимаю кулаки, чтобы унять дрожь.

Омар делает шаг и протягивает руку, чтобы коснуться моей щеки, но я отодвигаюсь, избегая его прикосновений.

— Может, ты думала, я тебя не найду? — спрашивает он и склоняет голову так, чтобы поймать мой взгляд. Снова пытается давить меня своей силой, а его зрачки медленно вертикально вытягиваются.

— Я от тебя не пряталась.

— Но и в дом моей матери не поехала, — добавляет он и зло прищуривается. Оттого что он так неприятно близко, от его запаха и давящей энергии я чувствую, как горлу подступает тошнота. Потому что в голове против воли всплывает образ его любовницы и воображение рисует, как мой бывший муж мог её касаться. — Хочешь, чтобы я за тобой побегал? Можешь себя похвалить, ты добила желаемого. — посмеивается и делает шаг назад. Медленно осматривает меня горящим взглядом и кусает нижнюю губу. — Я разве как-то неясно объяснил? Лети, ты должна была поехать в дом моей матери. Я ведь тебя не отпускал. Или ты решила, что раз уж мы развелись, ты теперь свободна?

Ничего ему не отвечаю, потому как вопрос его никаких ответов не требует. Он поиздеваться приехал. Недостаточно было в нашем доме.

Между нами повисает давящее молчание. Запах дыма вокруг становится плотным, а эмоции Омара словно покусывают кончики пальцев на руках.

— Ты от меня и моей власти никогда не будешь свободна. Поняла? Даже представить себе не можешь, как скоро изменится вся наша жизнь. Слышал, ты навещала Роланда, — усмеивается и принимается осматривать комнату. — Ну, как всё прошло? — спрашивает он и начинает смеяться. А для меня сейчас его смех ощущается словно пощёчина. В груди всё сильнее разгорается ярость, растекается по телу, поднимается к щекам.

Наблюдаю за тем, как он проходит к комоду, берёт в руки и по очереди осматривает стоящие на нём вещи, а я борюсь с подступающими эмоциями. То, что началось в мастерской, тоже набирает обороты. В ушах стучит кровь, тело начинает бить дрожь.

— Я был уверен, что он тебя видеть не захочет. Так и случилось, верно? — наконец разворачивается и цепляется за меня взглядом. — Ты меня огорчила и разочаровала. Я всю жизнь стараюсь ради нас. Ты уже позабыла, как много я для тебя делал? А что сделала ты? Подарила мне ни на что не годного сына. — произносит он и ловит каждую мою эмоцию, наслаждается. — Роланд — мой позор. Даже сыном его назвать не могу. Ты можешь себе представить, какое высокое положение я занимаю сейчас. А он что?

— Ты о своём сыне говоришь! — вскрикиваю и даже топаю ногой.

Если бы стоял поближе, то залепила бы ему звонкую пощёчину.

Омар на мой выпад реагирует лишь короткой полуулыбкой. Глубоко вдыхает и делает шаг вперёд, но близко ко мне не подходит.

— Моя новая жена ждёт ребёнка. Совсем скоро у первого генерала появится истинный наследник, — произносит он, и я ощущаю боль. Неприятную, липкую, которая словно кислота разъедает мне всё внутри. — Я потому и приехал, хотел тебе лично всё рассказать. Всё, что у меня теперь есть, не будет делиться между тем, кого я стыжусь, и тем, кто совсем скоро станет моим истинным наследником.

— Да как ты...

— Замолчи! — рывкает он. — Я не договорил, дрянь. В конце этого месяца Роланд лишится моей поддержки и фамилии. Так как его мать — подлая обманщица и иномирянка, фамилии Вондерс пацан тоже будет лишён. Я подумал, что ты захочешь его вернуть?

Ничего не говорю, просто не могу пошевелиться. Меня словно облили холодной водой. Тот, кто сейчас говорит со мной, в самом деле тот самый Омар, который женился на мне?

— Я подумал, — произносит он и возвращается в кресло. Садится, откидывается на спинку и, широко расставив ноги, тянется к пуговице на штанах:

— Ты бы хотела вернуть себе сына, и пришёл к тебе с разговором. Ты могла бы сделать мне приятное, тогда я бы подумал, отдать тебе сына или нет, — добавляет Омар, и я закрываю глаза.

Становится до тошноты противно. Неконтролируемое чувство омерзения накрывает меня волной. Даже отшатываюсь оттого, что не верю в происходящее.

По ощущениям Омар словно ударил меня по лицу наотмашь. Даже щёки начали гореть ещё сильнее.

Сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони, и стискиваю челюсти. Молчу, даже глаза не открываю, пока пытаюсь обуздать свои эмоции.

Когда, наконец, открываю глаза, мне хочется усмехнуться. Горькое разочарование накрывает, что ощутить его сейчас способен и мой бывший муж. Чувствует, кривится.

— Посмотрите, какая гордая, — произносит Омар. — Я же тебя раздавил, — рычит он и подаётся вперёд. Упирается локтями в колени. Волна его ярости проходит сквозь меня импульсом, — Раздавил, потому что ты слабая, а моя природа в том, что слабость давить. Опускайся на колени и ползи сюда! В глаза мне смотри и делай, что говорю, — приказывает он. — Теперь я твоя власть. Не поняла ещё?

— А разве не благодаря мне ты теперь власть? — хрипло произношу, но только потому, что от эмоций в горло словно песка насыпали. Меня начинает ощутимо трясти, а затем я вздрагиваю, когда комнату заполняет рык Омара и он со всей силы бьёт по подлокотникам кресла, а затем поднимается.

Слишком быстро оказывается рядом и силой хватает за лицо так, что большой палец на одной щеке, а четыре остальных на другой.

— Хочешь сказать, что всё благодаря тебе и твоему положению? Думаешь, дрянь, я на тебе из-за этого женился? Заткнись! Закрой свой рот! Ты ничего обо мне не знаешь! — орёт он мне в лицо, и его глаза заливают ярость, горит огнём внутри, обжигает меня языками пламени. — Я тебя ненавижу. Это ты сделала со мной! Всё, что ты сейчас перед собой видишь, — твоя вина! — снова орёт и толкает меня назад.

Отпускает и, когда отшатываюсь, проводит рукой по волосам.

— Я же тебя любил. Так сильно, что готов был на что угодно пойти, чтобы жениться. Ты другой была. Живой, настоящей. Красивой, утончённой. Я как одержимый за тобой ходил, я же всё сделал, чтобы ты стала моей. МОЕЙ! — орёт и бьёт кулаком по открытой ладони. — Всё хорошее, что было во мне, ты и твои проклятые высшие драконы растоптали во мне. Я всегда был ниже тебя. Чтобы ни делал, я был тебя недостоин. Даже мой чёртов сын имел в этом чёртовом обществе больше уважения, чем я сам.

— Омар, я в этом не виновата.

— Может, ты думаешь, что сейчас что-то изменилось? — уже тише произносит он. — Я всё тот же недостойный тебя солдат. Простой дракон, разница теперь лишь в том, что они меня боятся. — смеётся он словно одержимый, и оттого, как смотрит теперь, у меня по спине бегут колючие мурашки. — Мне это подходит. Они должны бояться. И ты должна. Ты должна! Я тебя унизил, раздавил, а ты всё равно строишь из себя высшую драконицу, которой не являешься? Стоишь здесь с высоко поднятой головой, будто имеешь отношение к этой фамилии и достижениям.

— Имею, — произношу. — Я не один год провела в этом мире, и всё, что уже успела сделать, в том числе и для нашего брака, — это результат моих трудов. Ни кого-то другого. А моих.

— Ты меня опоила, — перебивает Омар, и я моргнуть не успеваю, как оказывается рядом. — Опоила каким-то иномирским зельем, что я потерял из-за тебя свою волю.

— Отпусти, — хрипло произношу, потому что он сдавливает. Резко прижимает к себе так, что на мгновение перехватывает дыхание, а затем я не могу дышать оттого, что мне противны его поцелуи, которыми он принимается покрывать мои щёки и шею.

Рычит, когда принимаюсь вырывать, сильно сжимает руки и опускается с поцелуями к груди.

Вырываюсь, рычу, бью его что есть силы, и мне удаётся вырваться. Не дожидаясь, когда Омар снова меня схватить, выбегаю в коридор, но он оказывается быстрее, хватает меня за волосы и впечатывает спиной в твёрдую грудь. Одной рукой фиксирует, чтобы не могла вырваться, а второй принимается разрывать платье, больно сжимает то одну, то другую грудь, пока покрывает неприятными, обжигающими поцелуями шею. Везде, где он прикасается, кожа горит словно от ожогов.

— Отпусти! Пусти меня! Я не хочу! — кричу и вырываюсь, пока рука Омара проникает под юбку, касается моих ног, поднимается. Бью его по руке, локтями в живот и грудь и даже кусаю, чтобы избавиться от ненавистных прикосновений и поцелуев, как вдруг комнату заполняет глухой стук и Омар замирает, его хватка слабеет, а затем я резко падаю вперёд, едва успев выставить руки перед собой.

Разворачиваюсь и замечаю позади Омара напуганную Матильду со сковородкой в руках.

Омар выглядит растерянным, растрёпанным, щёки красные, рубашка порвана, на одной руке красуется мой укус, а другую он прижимает к голове.

Всего секунду медлю после того, как выражение лица моего бывшего мужа меняется и он бросается на Матильду. Чудом успеваю встать между ними и упереться руками в его грудь.

Плечи Омара быстро вздымаются и опадают, а звериный взгляд давит яростью от моего неподчинения. Он проходит взглядом по лицу, опускается к шее, а затем наклоняется и рычит мне в ухо.

— Что-то в тебе изменилось. Что этому причиной? — хрипло спрашивает он между рваными вдохами. — Вижу, что недостаточно тебя давил, раз ты ещё сопротивляешься. Но мне нравится, потому что имей в виду, и у тебя, и твоей заступницы будут проблемы. Вернусь через неделю и повторю своё предложение и очень надеюсь, что ты окажешься на коленях сразу, как только меня увидишь.

А затем я опомниться не успеваю, как он срывает кулон отца и покидает дом Матильды.

Глава 10

Конон

Звук моих шагов разрезает утреннюю тишину широких коридоров королевского дворца. Всего несколько месяцев я здесь не был, а солдаты смотрят на меня, словно восстал из мёртвых. Впрочем, ничего удивительного. Потому как я единственный из истинных генералов короля дракона всё ещё нахожусь в его милости.

Удивительно?

Ещё как. Я был уверен, что после того, как Его Величество разжаловал и прогнал из королевства истинного первого генерала Айрона Вотерфор, то следом за ним полетит и моя голова, но я остался, как и прежде вторым генералом.

Меня лишь сослали в глушь на границы с орчими землями, где наверняка надеялись, что в моём положении я долго не выдержу и сгину.

И вот я снова удивлён.

Мы только отразили атаку орков, которые с тех пор как лишились своего правителя, словно сорвались с цепи. Нападают на наши земли, атакуют границы Люминель. И только мы отразили атаку, как мне пришло письмо, что Его Величество вызывает меня в столицу по важному делу.

— Вам сюда нельзя — хрипло произносит один из солдат и преграждает мне путь, когда я спускаюсь в подвал королевского дворца к темницам. — Никого не велено пускать.

— Ты говоришь со своим генералом — твёрдо произношу я — Уйди.

Глубоко вдыхаю и сжимаю кулаки. Признаюсь, что играю с огнём, когда решаю первым делом спуститься в темницу и увидел Геральта. Когда-то одного из нас, генерала, а теперь военного преступника.

Всё, что сейчас творится в Эльмор, приведёт к его гибели, и такая беспечность моего правителя заставляет меня волноваться. Король и все пять истинных его генералов принадлежат семьям высших, сильнейших драконов королевства, которые годами поддерживали здесь мир и порядок. А теперь всё это рушится.

Когда всё изменилось?

В тот день, когда вместо покалеченного Талора, одного из нас, драконов высшей крови, генералом стал простой бастард. Место высокородного и сильнейшего дракона занял слабак без рода. Сирота, воспитанный кухаркой из небольшого городка на границе с орчими землями.

Это Айрон, истинный первый генерал Его Величества увидел в нём потенциал и силу, он притащил его в королевскую армию, которая никогда бы не святила Ортедесу, если бы он не кинулся спасать Айрона.

Впрочем, солдатом он в самом деле был неплохим. Смелым, сильным, готовым умереть за то, во что верит. Этим он был похож на нас, но одним из нас ни за что бы ни стал.

Даже сейчас не стал, когда он занял место Айрона.

— Первый генерал Его Величества отдал приказ никого не пускать к заключённому.

— Первый генерал Его Величества не знает Геральта так хорошо, как я. А потому король будет огорчён, если узнает, что ты меня непустил. Представляешь, что он может сказать мне? Мы годами дружили и работали бок о бок. Я получу для короля информацию. Для чего, потвоему, меня вызвали в столицу? — напирая я и давя своей силой. Лгу, конечно. Чувствую, что вырвали сюда, чтобы засунуть в ещё большую ж... большие проблемы.

Когда солдат сдаётся и провожает меня в темницу, где держат Геральта, я стискиваю челюсти и давя свою ярость. Все обвинения Геральта ничуть не отличаются от обвинений Айрона. Предательство короля, истинных ценностей драконов. Иными словами, полный бред.

С тех пор как Ортедес стал близок к королю, совет его и он сам стали творить беспредел, а Его Величество будто стал одержимым своим местом и властью.

Лязг металлических задвижек заставляет меня поморщиться, а вот Геральт сидит, как и прежде, откинувшись головой на стену, и смотрит перед собой. Даже на моё появление не реагирует. Лишь переводит потерянный взгляд. Я знаю, с чем связано его состояние, я потому пришёл сюда, чтобы он встал и начал бороться.

— Мне сказали, что ты не желаешь говорить? — произношу громко и довольно грубо. Делаю несколько шагов вглубь темницы, и Геральт склоняет голову набок.

— Точнее, повторять то, что от меня хотят услышать. Зачем ты здесь? Я решил, что Ортедес уже всё решил.

— Чтобы узнать у тебя кое-что для моего короля — также громко произношу, а затем разворачиваюсь к солдату и киваю ему на выход. Он тут же лихорадочно кивает и, закрыв темницу, с тем же мерзким лязганьем, удаляется. Чтобы здесь не происходило я всё ещё генерал и сильный дракон. Их обязанность мне подчиняться.

— Вернусь через две минуты — бросает он.

Я глубоко вдыхаю и принимаюсь осматриваться. Тускло, сыро и холодно.

Перевожу взгляд на Геральта, который смотрит на меня так, словно мечтает разорвать, но при этом не испытывает ни малейшего желания шевелиться. Его скулы и шея покрыты чешуёй, но глаза по-прежнему остаются нормальными.

— Я её видел — произношу я, и он зло прищуривается, а затем резко выпрямляется — Она пришла в себя и чувствует себя хорошо. Решил, что тебе нужно это знать.

— Это какая-то уловка? Ты теперь потребуешь мне подтвердить обвинения против Айрона и признать свои, а потом пообещаешь, что мне позволят её увидеть?

Качаю головой и тяжело вздыхаю.

Я вообще чудом увидел его пару, когда мне перевязывали рану, но говорить с ней самому или даже попытаться выбить такую возможность, я не смогу, даже если буду иметь огромное желание.

— Её обвиняют в том, что она тебя опаила. Собираются наказать — едва слышно произношу, но точно знаю, что Геральт услышит. Он медленно поднимается и в два шага сокращает между нами расстояние.

— Зачем рассказываешь?

— Потому что меня вырвали из пекла противостояния с орками, где я не сдох за прошедшие месяцы. Наверняка нашли новый способ добить.

— Пока твой род и его глава верен королю и несут в себе пользу тебя просто так не убрать. — произносит Геральт, и чешуя пропадает, зато вместо этого глаза вспыхивают, а на виске начинает пульсировать вена — Ты должен её спасти. Помоги ей покинуть Эльмор.

— Ты в своём уме? — усмехаюсь я — Каким образом я могу вытащить её? Радуся, что я принёс тебе новость о том, что она выжила. Соберись. Это ты из нас двоих здоров и полон сил и имеешь зверя, может, забыл, что меня не списали в утиль после ранения только благодаря вам с Айроном?

— Она должна покинуть Эльмор. Передай её порталный камень. У тебя ещё остались верные люди. Они будут давить на меня через неё, я сделаю всё, что мне прикажут. — произносит Геральт, а затем поджимает губы, вижу, что какое-то время борется с собой, не решаясь спросить.

— Они оба выжили. — чувствую желание облегчить его страдания — Давить на тебя у короля появилось целых две причины.

Геральт растирает руками лицо, судорожно вдыхает, а затем возвращается на скамейку и валится на неё с грохотом, обхватив голову руками. Его начинает трясти, а облегчение, которое он испытывает, заполняет до краёв это небольшое помещение.

— Как получилось, что ты оказался здесь, разве вы не должны были бежать?

— Кое-что случилось. Я мог потерять Александру, поэтому сдался.

— Теперь будешь делать то, что скажет король. Я не уверен, что смогу их вытащить. О чём ты только думал? Нужно было сдать её ещё тогда, когда стало понятно, что твоя девка иномирянка. — произношу, и Геральт снова поднимается. Опомниться не успеваю, как мне прилетает по зубам, а затем я и вовсе валюсь от его следующего удара.

На этот шум в темницу сбегаются несколько солдат и меня вытаскивают под яростный рык Геральта.

Ладно, возможно, мне не стоило этого говорить, в конце концов, по каким-то причинам он так держится за эту девчонку.

— Вы хотите, чтобы вас осмотрел лекарь? — спрашивает солдат и протягивает мне какую-то стряпку, чтобы я прижал её к разбитой роже — О вашем прибытии уже доложили королю. Он просил передать, чтобы вы немедленно отправились к нему. У него для вас очень важное дело.

В кабинете Его Величества царит полумрак. В воздухе стоит запах свечей и бумаги, а во рту у меня появляется привкус горечи.

Сам король сидит за столом и на моё появление никак не реагирует.

Рассматривает какое-то украшение. Перебирает пальцами цепочку, склоняя голову то в правую, то в левую сторону.

— Входи — произносит он, не поднимая взгляда, и когда оказываюсь напротив, усмеяется: — разве не ты утверждал мне, что я совершил ошибку, когда назначил Омара своим первым генералом?

— Я, Ваше Величество, и мнения своего на этот счёт с тех пор не изменил.

Король Киллиан издаёт смешок и поднимает, наконец, на меня свой взгляд.

Какое-то время мы молча смотрим друг на друга, а затем я бросаю быстрый взгляд на вещицу в его руке и снова смотрю в лицо моего правителя.

— А он единственный остался мне верен. — кривит губы Его Величество — Принёс мне то, что я так давно жаждал получить. — поднимает руку, пальцы которой обмотаны изящной тонкой цепочкой. Не дорогая вещь, но очень красивая. Вижу, что сделана была с душой. — И никакая баба не оказалась ему дороже королевства и сохранения в нём мира. Ты был у лекаря? — спрашивает он, и я киваю. — Выглядишь плохо. С лицом нужно что-то сделать до отъезда. У меня для тебя важное дело. Отправишься в Боттонс.

— Куда? — спрашиваю я и вопросительно поднимаю бровь. Король странно осматривает меня какое-то время, прежде чем отвечает.

— Боттонс. Небольшой городок у самой границы с королевством Люминель. Хочу, чтобы ты разобрался с одной небольшой проблемой. Мы больше не объединённые королевства. Люминель, как и прочие, объявил о своей независимости, а значит — я не должен иметь отношения к организации их защиты. Проклятые маги таскаются на мою территорию и покупают оружие, чтобы защищаться от орчих нападений. Отправишься туда, выяснишь, кто продаёт и прикроешь их. — ударяет ладонью по столу — Пусть маги идут ко мне и снова просят защиту. — рычит он, и его глаза вспыхивают в полумраке.

— Это дела дознавателей. — спокойно поясняю, потому что давящая сила моего правителя и его ярость не оказывают на меня сильного давления. — Я разжалован?

— Нет. Ты по-прежнему мой генерал, и только потому я поручаю это тебе. Доверяю, знаю, что не предашь и не восстанешь против — отвечает он и я прекрасно знаю, почему уверен, что никаких угроз от меня не исходит. Если бы не одно маленькое обстоятельство, то стоял бы в одном ряду с Айроном и Геральтом.

— После всего, что с тобой случилось, ты по-прежнему верен своему королю и Эльмор. — продолжает он. — Хочу ещё, чтобы перед отъездом ты проверил моих новых генералов. Я

их наскоро отобрал, кто-то из них по рекомендации Омара. Хочу быть уверен, что они смогут оказать достойное сопротивление. Слышал я, что народ возмущён моим решением сделать генералами простых солдат. Боятся, что безопасность королевства под угрозой, а мне надо их как-то убедить, что и эти ничем не хуже предателей.

— Вы и без меня знаете, Ваше Величество, что никакой сильный и смелый солдат не заменит вам сильнейшего дракона первой крови. Может, вам стоит пересмотр...

— ТТТ — резко поднимает руку король — Я отдал тебе приказ, а не просил проанализировать мои действия. Для этого у меня есть совет и первый генерал. Закроем глаза на подобную дерзость ради всего, чтобы сделал для меня и Эльмор в прошлом. Верю, что ты переживаешь о судьбе драконов не меньше, чем я. Несмотря ни на что, мои новые генералы тебя побаиваются, а простые драконы уважают и чувствуют защиту.

Знаю, что несмотря на то, что со мной случилось, я по-прежнему силён.

Если бы был таким же слабаком как Талор, ещё один из нас. Тот, кто в самом деле пошёл против короля. То я принялся бы обвинять во всём, что со мной случилось своего Его Величество, но вся правда здесь в том, что это было моим выбором. Всё, что случилось со мной и случится — результат моего выбора.

— Сделай так, чтобы маги были вынуждены явиться за помощью к драконам, Конор. Закрой все оружейные мастерские вдоль границы с ними. Чтобы никто не посмел ослушаться — накажи нескольких мастеров напоказ, пусть и драконы боятся оступиться. Я всё ещё доверяю тебе, несмотря на то что прочие генералы предали меня, я по-прежнему отношусь к тебе, как и до всего произошедшего. После того как всё в Эльмор изменится, как только я накажу предателей, верну в моё королевство покой, я обещаю тебя исцелить. У меня есть сила, способная это сделать. За твою верность и службу мне я тебя отблагодарю.

Слова короля заставляют моего зверя поднять голову и внимательно зашевелиться.

Хочу ли я исцеления?

А кто на моём месте бы не захотел.

Вот только я уже видел однажды, чем заканчиваются обещания моего правителя.

В кабинете Его Величества больше не остаюсь. Даю ему понять, что за дело это возьмусь, и до тех пор, пока меня не вынудят покинуть королевство, буду побороться за Эльмор.

По приказу короля навещаю новоизбранных генералов и ничего по этому поводу не чувствую. Опытные солдаты, умелые воины, но генералы... вряд ли.

Задаю вопросы, отдаю распоряжение и действительно рад, что получаю информацию о том, как по-настоящему сейчас обстоят дела в моём королевстве.

Ничего хорошего, должен сказать.

Когда всё по тому же приказу короля отправляюсь к лекарю, то принимаю ещё одну попытку увидеть Александру, пару Геральта и узнаю, что девицу перевели в другую часть королевского замка. Закрыв глаза, пытаюсь лихорадочно сообразить, как мог бы помочь ей покинуть Эльмор.

Из мыслей меня вырывает один из моих солдат.

Звуки его шагов отскакивают от стен, когда открываю глаза и прищуриваюсь. Он приветствует меня и начинает рассказывать о том, как обстоят дела на границе с орками. Удивляется, что я не вернусь вместе с ним, а отправлюсь в другую сторону.

Слушаю его, киваю, а затем резко останавливаю. В тот самый момент, когда он упоминает, что приехал в столицу вместе с нашим лекарем, чтобы пополнить запасы лекарств и зелий, и хитро улыбаюсь.

Чем хороши мои солдаты?

Тем, что во многом понимают меня без долгих объяснений, не задают лишних вопросов, а ещё умеют схватывать на лету и решают проблемы по мере их поступления.

Достаю из кармана платок с моими инициалами и быстро заворачиваю в него один из порталных камней и протягиваю ему. Получается, я сделал, для Александры, что мог.

Спустя три дня, после очередного осмотра лекаря я, наконец, отправляюсь в место назначения, используя порталный камень. Такого добра у меня с запасом на несколько лет вперёд. Только так теперь и перемещаюсь.

Городок встречает прохладным ветром и колючей моросью. Вместо того чтобы отправиться изучать город и искать мастерскую, мне приходится найти жильё и просидеть в единственной здесь таверне ещё два дня. Потому что из-за непогоды ни один рынок не работает, а начать вот так сразу расспрашивать об оружейных мастерских в городке, где каждый друг друга знает плохая политика.

Зверь эти дни ведёт себя отвратительно. Заставляет меня испытывать раздражение, просыпаться среди ночи и рвёт изнутри с такой силой, что приходится вспомнить, каково это — сдерживать своего дракона.

Когда в этом месте, наконец, появляется солнце, я отправляюсь на рынок. Пробираюсь сквозь ароматы сладкой выпечки, солений, жареного мяса и дыма от костра. Только спустя два часа нахожу то, зачем явился в это забытое высшими драконами место уже несколько дней, и испытываю разочарование.

Ножи, кинжалы и мечи отвратительного качества продаются прямо здесь, на рынке, среди валеного мяса, сушёной рыбы и каких-то продуктов.

Даже не пытаюсь скрыть своего недовольства, когда беру в руки то один, то другой нож, который и хлеб-то не сразу отрежешь и понимаю, что либо меня затянули в ловушку, либо я просто ищу не там.

Ни один опытный воин или маг не станет покупать оружие здесь.

Прогуливаясь по рынку, наткнувшись на ещё один прилавок, где качество ножей оказывается куда лучше, но всё равно едва дотягивает до тройки и, прикупив два ножа, договариваюсь с продавцом о встрече с его мастером.

Солнце палит, в воздух становится колючим, когда я присаживаюсь на одну из свободных лавочек у фантана, где малышня резвится, пищит и смеётся так, что закладывает уши.

Хочу зарычать, чтобы разбежались, потому что от этих воплей вянут уши, но вместо этого опускаюсь на лавочку и бросаю купленных нож в деревянный столб напротив.

Издаю то ли рык, то ли стон, когда он вместо того, чтобы воткнуться, отлетает и падает неподалёку. Прodelываю то же самое со вторым и действительно удивляюсь, когда он втыкается. Остриё наполовину входит в дерево, и я лениво поднимаюсь.

— Не понравилась зубочистка? — спрашивает какой-то малец с кудрявой копной на голове и скалится, когда я вытаскиваю купленный нож из деревянного столба.

— Не понравилась — хмыкаю и разворачиваюсь к нему.

— Всё потому, что никто не покупает оружие на прилавке — выдаёт с важным видом пацан и кивает подбородком в сторону, откуда я пришёл

Даже малец понимает.

— А где тогда его покупают? — спрашиваю и склоняю голову набок.

Пацан поднимает руку и прикладывает ко лбу, закрываясь от солнца.

— Ну каждый знает, в мастерской у Саттера.

— Вот как — протягиваю я — Каждый знает, а я вот не знал. Да и про Саттера слышу впервые. Где я могу его найти?

— А с чего бы мне вам это просто так рассказать. Я вас впервые вижу, да и мороженной у тётки Арни даром не дают — а теперь проводит этой рукой по волосам. После так хитро шуруется, что и я сам улыбаюсь, не сдержавшись — Да и булочки с заварной начинкой никто просто так не раздаёт.

— Понял тебя — киваю и вытаскиваю из кармана два золотых. У пацана аж глаза расширяются.

Так, я и узнаю, что у Сатера здесь лучшее оружие, а ещё что у него и мастерская имеется, и офис. В гору, должно быть, идёт оружейное дело.

В мастерскую я решаюсь податься чуть позже, а вот в офис направляюсь сразу, как только пацан указывает мне направление.

Девушка, что встречает меня, заливается краской и застывает. Смотрит, будто я принёс с собой конец света. Впрочем, в этом действительно что-то есть. Мастерскую ведь мне так или иначе придётся закрыть.

Когда всё-таки приходит в себя, то провожает меня в большой кабинет, мой зверь решает меня окончательно добить и испарывает мне грудь когтистой лапой с такой силой, что от боли на мгновение теряю зрение.

Прошу у девушки хоть какие-то документы, чтобы отвлечься, ожидая, когда этот мастер соизволит явиться на работу, пугаю её большими проблемами, когда снова замирает и что-то лепечет про то, будто не положено.

Когда она всё же исполняет приказ, погружаюсь в непонятный набор букв. Не сразу замечаю, что в кабинет спустя какое-то время кто-то входит.

Лёгкий аромат цветов, как в саду у матери, приятно ласкает нос, и когда я решаю, что это снова пожаловала девушка, решаю сплавить её и приказываю сделать мне чай.

Но как только я слышу голос, мой мир резко переворачивается.

Звук её голоса как будто острым ножом по старым, кое-где ещё не затянувшимся ранам.

Медленно поднимаю свой взгляд и изо всех сил борюсь с непонятными реакциями моего зверя и моего тела. Скручивает всего так, что хочу зарычать, чтобы избавиться от неприятных ощущений.

Шумно втягиваю воздух сквозь зубы, когда вижу перед собой её.

Мою несостоявшуюся жену.

Литицию Вондерс.

Глава 11

— Бежать тебе надо из Эльмор, — произносит Матильда, когда мы садимся завтракать на следующее утро после визита моего бывшего мужа. — Он тебе жизни не даст. Точно не даст... какие глаза у него были — будто задушить тебя мечтает. Стра-ашно, — тяжело вздыхает она. — В Люминель уходи. Не прогонят тебя, тем более что в тебе какая-то магия есть.

— Не поеду, — отзываюсь я и натягиваю рукава платья пониже, до запястья, — я без сына никуда не поеду. Даже говорить об этом больше не хочу.

И про магию говорить не хочу, потому что с кулоном, который забрал Омар, пропали и те странные ощущения. Больше никаких признаков проснувшейся силы. Только боль в руках оттого, что бывший муж вёл се

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.